

Лётчик. Фронтовая "Ведьма"

Виталий Свадьбин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Свадьбин

Лётчик. Фронтовая «Ведьма»

«Автор»

2022

Свадьбин В.

Лётчик. Фронтовая «Ведьма» / В. Свадьбин — «Автор», 2022

Евгений Ведьмин - современник начала 21 века. Отслужил срочную в ВДВ, позже закончил лётное училище. Но в силу обстоятельств попал работать в лётный клуб пилотом лёгкомоторного самолёта и инструктором по прыжкам с парашютом. По натуре главный герой балагур и бабник. Во время прыжка с парашютом получает травму и впадает в кому. Неизвестные силы переносят его в 20 век, в самый разгар Великой Отечественной войны в тело девушки, которая только закончила лётную школу. Причину переноса неизвестные силы толком не объяснили, что-то невнятное: помочь выжить и осознать свои ошибки. Какие ошибки, герой понимает не сразу. Возможно, отношения к женщинам? В теле девушки он совсем по-другому начинает воспринимать окружающий мир. Евгений не пытается внедрять новые технологии или учить предков жизни. Он любит и умеет летать, что помогает выжить ему в кровавой круговерти войны. А главное, есть надежда вернуться в своё тело и время. (обложка выполнена автором в нейросети Midjourney)

© Свадьбин В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виталий Свадьбин

Лётчик. Фронтная "Ведьма"

Предисловие.

Май 2016 год. Подмосковье. Евгений Ведмин.

С утра Жека выехал из Москвы в городок Киржач. До обеда будет инструктаж главы авиационного клуба «Киржач». Да-да, так и называется клуб по названию городка. Это во Владимирской области. Клуб старательно готовится к авиашоу, по этой причине шеф клуба, Иван Иванович и собрал всех, для профилактики вставляет «фитили», чтобы значит не расслаблялись. А Жека ещё и участвует в этом шоу в качестве пилота, будет демонстрировать для зрителей фигуры высшего пилотажа. Но наверно стоит рассказать по порядку. Жека коренной москвич, родился и вырос в Москве, здесь же и посещал среднюю школу. По паспорту Ведмин Евгений Иванович. Родился ещё при Союзе, в далёком 1983-ем году. Мама Евгения преподаёт в Московском университете иностранный язык, и Жека конкретно гордится ею, она профессор. Правда самому Евгению пришлось страдать в детстве, знание трёх языков из иностранных, вот такой минимум, который по мнению матери допускался, а максимум не ограничен. Только Жека такой радости маме не доставил. Точнее выучил на один больше от минимума. А вы попробуйте не выучить? Евгению иногда, кажется, что говорить он начал на нескольких языках сразу. Короче вполне приличное знание английского, французского, испанского и немецкого. У Ведминых полная семья, а значит есть и отец, который трудится пилотом в гражданской авиации. Естественно, у Жеки с самого детства в игрушках самолётики. После школы немного напряг мыслительную деятельность и поступил в лётное училище. Отучился всего год, попал в дурную историю. Навалил хамам из «золотой молодёжи» по самое не хочу. Результат – отчислили из училища. Военкомат обычно в таких случаях не дремлет. Обрили и забрали служить в Российскую армию. Военком решил, что Жека по всем параметрам подходит для ВДВ, к тому же со слов военкома, именно там становятся человеками. Спорить Евгений не стал, форма спортивная была, занимался боевыми искусствами, но так без фанатизма и не для спортивных соревнований. Да и кто бы ему дал спорить? У отца принцип простой, не стал учиться – иди служи Родине. А потом отец успокаивал дома разбушевавшуюся маму, мол пусть послужит, а после вернётся и поступит куда-нибудь. Пока служил десантником, многие взгляды на жизнь пересмотрел. Может командировка в Чечню повлияла, восемь месяцев довелось там «лямку» тянуть в разведроту. Вернувшись, домой поступил снова в лётное, только в Московский университет гражданской авиации, на радость батю. Отец у Жеки как пилот гражданской авиации, на хорошем счету, точнее был. Сейчас работает в авиакомпании руководителем по технической части. Отучился Евгений по-честному, даже диплом получил, а вот поработать не пришлось. Случилась очередная мутная история, произошёл скандал с компанией депутатских сынков. «Золотая молодёжь», мать их за ногу. Скандал из-за девушки, заступился за соседку, живут с Жекой на одной площадке, на Арбате. Видимо Евгений переборщил, хулиганы после внушительной беседы попали в больницу. Посадить Евгения хотели, но не посадили, отец, как мог старался, по связям и знакомым пробежался. Но дорогу Жеке в гражданскую авиацию закрыли. Батя вновь подключил друзей-приятелей, и вот с 2008-го года Евгений в аэроклубе, в качестве пилота, а дополнительно инструктора по прыжкам с парашютом. Летать начал на легкомоторных самолётах, наставник очень опытный попался, повезло с учителем. Полёты в основном на «ЯК-52». Но вот последние три года стали эксплуатировать самолёты времен прошлой большой войны, И-16, Ла-7 и «яки», Як-7, Як-9. Вот только на таких летать приходилось по праздникам, например день авиации или день Победы. Тренировки никто не отменял,

стали активно тренироваться на «старичках» ВОВ, чтобы на празднике перед ветеранами не опозориться. Фигуры высшего пилотажа крутят. Евгений постепенно превратил увлечение в спорт. Стал занимать призовые места. Два раза выступил на Чемпионах мира, но выше второго места не поднялся. Работая дополнительно инструктором по прыжкам с парашютом в спорт, не пошёл, чисто времени не хватает. В клубе «Киржач» полёты и для платных пассажиров, кроме этого, есть прыжки с парашютом платные. В общем дирекция клуба зарабатывает как может, как-никак капитализм в стране. Жеке работа нравится, как раз тот случай, когда хобби и работа совпали. Он даже комнату снимает в Киржаче, чтобы не мотаться в Москву. Летает Евгений умеет, любит и делает это зрелищно. Все без исключения в клубе считают, что у Жеки талант от бога.

После инструктажа Жеку окликнул Борька Меньшов, он в клубе инструктор по прыжкам с парашютом.

– Ведьмак, у меня к тебе дело, – начал Боря подход из далека.

– Знаю я твои подходы, хочешь меня запрячь, как ослика. Чтобы Евгений Иванович делал за тебя работу. Скажешь не так? – попытался Жека прыгнуть с темы.

– Жэка, будь другом выручай. После обеда будет группа богатеньких кошельков, хорошо платят. Там все первый раз прыгают, прыгнешь с ними в «сбруе». По двойному тарифу. Выручишь?

– Плюсом с тебя коньяк, – уступил Жека приятелю.

– Замётано. Жду тебя на площадке через час.

Заработать не помешает, сегодня у Жеки полётов нет. Кстати, «Ведьмаком» его обызывают с детства, а в ВДВ это был оперативный позывной. По привычке отзывается, но позволяет только друзьям. Прыгать с парашютом бывшему десантнику не впервой. В армейке больше четырёх десятков прыжков сделал, а здесь в клубе уже не считает, давно за тысячу перевалило. В 13-00 пришёл сразу на посадочную площадку. Без Жени инструктаж проведут, прыжок в принципе не сложный, много раз доводилось прыгать с «пассажирами» в тендеме. Пока Борис не привёл группу завалился на брезент, погода шепчет, не грех и вздремнуть на один глазок. Улёгся и задумался. Сегодня вечером у Жеки ещё одна тренировка. Кроме рукопашки, занимается на скалодроме и посещает стрелковый клуб, по пулевой стрельбе. У него даже свой «Вальтер» есть с разрешением. В чемпионы по стрельбе не выбился, но твёрдая «отлично» присутствует. На кандидата в мастера спорта сдал. Тренер давно предлагает заняться стрельбой более серьёзно. Потенциал в Жеке видит, вот только летать Ведьмаку нравится больше. А что ему молодому да не женатому? Вот с женитьбой не торопится, хоть и проели ему родители всю плешь. Как никак тридцать три годочка уже исполнилось. Но вот не видит Жека пока кандидатуры в спутницы по жизни. Хотя погулять с девочками любит, точнее они любят его. Проходу не дают, можно сказать с самого юного возраста. Ещё со школы повелось. Ведутся на внешность Евгения, рост 180 сантиметров и фигура, практически атлета. На пляже слабая половина человечества восхищается Женькиными кубиками пресса. Коммуникабельность не хромает, эрудиция есть. Так что может вскружить и запудрить девочкам головы. Есть один жирный плюсик, он очень неплохо играет на гитаре. Романсы всякие про любовь поёт, девочки ведутся. Хотя любит Жека петь песни Высоцкого. Ну а главный плюс и магнит для девушек – это бабло, зарабатывает он прилично. До олигарха не дотянет, но твёрдая середка – это факт. В своё время Жеке один финансист подсказал на биткоинах заработать, что он и сделал. В этом году продал, прибыль составила несколько миллионов баксов. В этом плане Жека не бедствует. Кстати, сегодня очередное, новое знакомство с двумя близняшками, так что ночь предстоит у Евгения, бурная и разнообразная. И он мечтательно закрыл глаза. Из приятных грёз Жеку вырвал окрик Бориса.

– Жэка, готов? Принимай клиента.

Подожли шесть человек. Все предварительные процедуры они прошли, настало время прыжка с «аннушки». Прыгать будут с 1200 метров, парашют Д-6. Всё до боли знакомо. Сели в самолёт, Жеке досталась девушка, лет двадцати пяти. За пять минут они уже подружились, обменялись номерами телефонов. Это так, на всякий случай. А вот прыгать пришлось возле лесополосы.

– Борян, а что здесь прыгаем? На поле места мало? – возмутился Евгений.

– Не грузись, Жека. Там через два часа движуха какая-то будет. Вроде самолёты времён ВОВ, пригонят и там расположат. Я слышал трёп, военный фильм снимать хотят, про лётчиков.

– Да ладно! Наш Иван Иванович не дремлет. Может и нас задействуют, глядишь подзаработаю детишкам на молочишко, – Жека порадовался таким новостям.

– У тебя же нет детей, – удивился Борька.

– Кто знает? Может мне просто не сообщили, что у меня уже есть дети, так что быть готовым не помешает, – отшутился Ведьмак от Бориного «подкола».

Прыгнули, Жека с Леной, так девушку звали, парашют раскрылся практически сразу. Примерно метров 800 предстояло парить под куполом, пусть красotka наслаждается. Но спокойно парить не получилось. Непонятно откуда взялся шквальный ветер и тандем Жеки и Лены понесло на лесополосу. Жека, конечно, пытался маневрировать, но куда там. Сели они на верхушки деревьев, погано то, что приземлились неудачно. Купол зацепился за ветки и Жеку с Леной приложило о ствол дерева. Жека, как опытный парашютист умудрился, каким-то образом, развернуться, чтобы девочка не поранилась. Последнее что запомнил, удар спиной, боль в затылке. Что-то треснуло то ли дерево, то ли череп. Всё, темнота сомкнулась вокруг Евгения

Глава 1.

Апрель 1943 год. Город Энгельс. 14-я военная школа пилотов. Евгения Красько.

Очнулся я... Нет, точнее так. Появились мысли в голове и голос. Чей не знаю. Больше того, не понимаю лежу или стою.

– Что с тобой делать? Ума не приложу. Настрадались девушки из-за тебя. В чистилище? Опять, у тебя хороших поступков много, – рассуждал чей-то голос, а вот говорившего я не видел.

– Я умер что ли? – задал я наверняка тупой вопрос.

– Практически. Тело правда пока живёт. Может тебя в мир вернуть? – поинтересовался тот же голос.

– Конечно верните. Рано мне ещё на том свете гостить. И вообще, родителям горе приносить не хочу, – машинально ответил я.

– Свободное тело нужно, точнее свежее. Подожди посмотрю...

– Чего смотреть? Моё наверняка не протухло, – подал я идею.

– Ты летать любишь?

– Конечно. Я же дипломированный лётчик, к тому же спортсмен по пилотированию.

– Хорошо. Есть одно местечко, думаю привыкнешь постепенно. Заодно и осознаешь свои поступки. Грехи замолишь и переоценку жизненной позиции сделаешь. В общем посмотрим на твоё поведение. Заодно поможешь хорошему человеку выжить.

– Эй, подожди какое местечко? Что значит осознаешь? Какие поступки? Я неверующий, чтобы молиться. Религия – это опиум для народа! – но меня уже видимо не слышали или не слушали, что больше походило на действительность.

Вновь куда-то провалился, и темнота... Сознание возвращалось медленно. Жутко болела голова. Я явно где-то болтаюсь или подвешен? Вроде подвесная на мне, и похоже прилично приложился головой... об дерево. А висит моё тельце на стропах парашюта в подвесной. Сейчас меня снимают какие-то люди. Толком ничего не вижу.

– Женька! Женька! Живая? Эх тебя угораздило. Смотрите у неё кровь из-под шлема течёт. Где там санитары? – кричала похоже женщина.

– Да всё хорошо. Живы будем не помрём, рано умирать, – промямлил я, пытаюсь произнести бодрым голосом.

– Ну слава Богу. Жива красавица, давайте несите её в медпункт, – отдала распоряжение вроде та же дама.

Сейчас меня починят и будет всё хорошо. Стоп! Почему красавица? Я же не баба, я мужик!! Хотя, со мной же девушка была, наверно о ней речь. И в какой медпункт меня понесут? Не важно, а голова болит, чёрт побери. Вижу плохо, как будто всё размыто. Даже врачей разглядеть не могу. Упс, это, мне кажется, укол поставили, и я ушёл в нирвану.

Мировосприятие вернулось. Лежу на кровати. Вроде панцирной сетки, были когда-то такие коечки. Мне в Чечне довелось на такой спать. Смотрю в потолок... Ага, это похоже палатка. Санитарная видимо. Повернул слегка голову, вижу, в середине печка, а возле печки девушка, в каком-то доисторическом халате, завязанном на спине, и в сапогах, причём в кирзовых. «Бежит по полю санитарка, звать Тамарка, в больших кирзовых сапогах». Какая-то чушь в голову лезет и куплеты пошлые. Вроде песня такая имелась, не могу вспомнить, что за песня. Голова моя забинтована. Прямо как в песне «голова повязана, кровь на рукаве...», кажется, я даже знаю такую песню. Крепко приложился. Но ничего, шрамы украшают мужчину. Решил потрогать болячку, протянул руку к правой стороне лба. Ничего не чувствую под бинтом.

– Проснулась сердечная. Не переживай ранение не опасное. Правда ещё бы пару сантиметров и удар пришёлся бы в висок. Вот тогда худо. А так, лёгкое сотрясение и небольшой шрамик на память останется, – пояснила девушка, сидевшая возле печки.

– Ты кто? – прохрипел я.

– Я, Тамара, санинструктор. Марина Петровна велела за тобой присматривать.

– Ну ни хрена себе, – прошипел я, взглянув на сапоги Тамары, вспоминая вновь пошлый куплет про бегущую санитарку в кирзачах.

Мелькнула мысль, что я что-то пропустил. Что же это было? Вновь поднял руку и посмотрел на неё. Странно, рука то женская. Правда красивая такая ручка, нежная, ладошки красивые. Что?? Рука женская?! Что, сука, за шутки?! Я глянул на вторую руку. Такая же, только левая. В голове закрутились нехорошие подозрения. Я медленно положил обе руки на грудь. Под ладошками явно чувствовались упругие шарики. Хорошие такие шарики, с нежной кожей. Интересно какой размер? Второй или третий? ЧТО?? Мля! Это же сиськи! Я быстро сунул руки под одеяло, надеясь, что между ног всё в порядке. Ага, размечтался чукотский мальчик. Там ни хрена нет!! Точнее есть, но не то, что я ожидал. Сука! Сука! Сука! Это что за голос был, который тело обещал присмотреть? Кто так пошутил со мной? У меня даже не хватило сил закричать. А из глаз потекли слёзы. Слёзы? Мать, мать. Да что со мной? Я с младших классов не плакал, как бы не били в школе. Я впал в прострацию. Но реальность такова. Я баба, точнее женщина. Или мне сделали укол, и я брежу в больнице, под действием наркотика? Слышал от наркотиков глюки бывают, а потом ломки. Сам ни разу не пробовал. Санитарка забеспокоилась и убежала, с воплями и впереди собственного визга «Марина Петровна». Пришла врач, в белом халате, она что-то спрашивала, но я молчал, тупо уставившись в потолок палатки. В результате мне поставили укол, и я опять уснул.

Проснулся на следующий день, возможно к обеду. Ощущения пустого желудка, если выразиться по-простому, «жрать охота». Интересно сколько не ел? Я задрал руки и рассмотрел их, пришёл к выводу, что никакой это не сон. А самая что ни на есть явь. Или сумасшествие? Или, сука, наркотик не отпускает? Проверил между ног, изменений нет, ничего не выросло, пока я спал. Так же пусто, точнее есть, конечно, но орган для меня непривычный. То есть я, конечно, такими органами пользовался, но как правило, когда они были у других. Вот же засада. Попал так попал! И ведь теперь с этим жить. Появилась Тамарка-санитарка.

– Как вы себя чувствуете? Голова не кружится? – и смотрит так участливо.

Вот что ей сказать? Что я сумасшедший? Что я мужик и мне чудится, что я баба? Но сказал я совсем другое, неожиданно для себя. Чёрт, ведь и голос женский.

– Нет не кружится, и голова не болит, – проворчал я хмуро.

– Сегодня вас осмотрит Марина Петровна. Если всё хорошо, то скоро на выписку. Вы удачливая.

– Ага, так и прёт удача со всех сторон, успевай в мешок складывать, – снова буркнул я.

Тем не менее провалялся на больничной койке неделю. Правда уже не в палатке, а бараке санчасти, на территории лётной школы, как узнал позже, что учусь в лётной школе. В эти дни приходили девчонки, видимо мои подруги. Я понял, что мы учимся в одной группе. Постепенно выяснил, что больше всех дружу с Лидой Карповой. Эх, я бы с такой и ночью дружить не отказался. Брюнетка примерно среднего роста, только блее крепкая и бёдра пошире. Про таких говорят «кость широкая». Хотя на лицо вполне симпатичная. Может здесь все девушки такие? Лида приходила каждый день, приносила конспекты и уставы с конспектами. Требовалось собрать информацию, а иначе быстро определяют меня в психушку. Всегда, оставшись наедине, старался вспомнить и понять, что говорил тот непонятный голос. Зачем я получил роль «попаданца»? Ответа пока не было.

– Жень, я тут узнала, что формируют женский легкобомбардировочный авиаполк. Туда пойдут основное количество девушек. Но те, кто отлетает экзамен на отлично, попадут в истребительные авиаполки. Ты как? Сможешь сдать? – Лида явно тревожилась за свою подругу.

– Голова уже не болит. Думаю, проблем не будет, – а сам размышлял, что нужно как-то вливаться в эту жизнь.

– Отлично, а то я переживаю за тебя. В начале апреля сдаём экзамен и здравствуй фронт, – было непонятно радуется Лида или нет.

Впадать в депрессию надолго, у меня вообще привычки не было. Если я брежу, то это не причина унывать. Поживём в теле девушки. Надо будет детально себя рассмотреть. А то вдруг не красotka, а уродина? Было бы обидно. Экзамен перенесли на последние числа апреля. Отлетал я видимо на отлично. Так как меня хвалили инструктора и заместитель начальника школы. Хотя ничего особенного не показывал, не выделялся, так сказать. Просто сделал лётное задание хорошо и без ошибок. Меня, честно говоря, удивило, когда я узнал, что курсы длятся всего пять месяцев. Вот чему можно научить лётчика за неполные полгода? Видимо война диктует свои условия. Здесь я узнал, что в первые дни войны гибло много лётчиков. Вот и штамповали лётные школы курсантов, как на конвейере. По-человечески мне было жаль мальчишек и девчонок, которые налетали часов по пятнадцать. И это ещё хорошо, со слов заместителя начальника школы. Топливо выделяют крохи, всё забирает фронт. Экзамены мы сдали. Нам выдали новенькие погоны младших лейтенантов и естественно присвоили идентичные звания.

Буквально на днях мы должны были получить распределение в авиаполки. Все выпускники строили предположения, а я страдал лёжа на кровати в казарме. Всё началось с того, что у меня разболелся живот. Прямо наказание какое-то. В казарму зашли Лида Карпова и Ольга Петрова.

– Жень, нам дают увольнительные в город. Собирайся, – радостно предложила Лида.

Я в ответ только простонал. Девушки встревожились и потащили меня в санчасть. Но пока суть да дело, пока они меня уговаривали, прошло не меньше двух часов. И когда я уже было согласился, у меня пошла кровь. Кровь! Мать вашу, сука. Слов нет, только мат остался.

– Жень, да у тебя же месячные, – констатировала Ольга.

Из моих уст вылетело целое предложение, очень-очень ненормативной лексики, где вполне литературными были только предлоги «В» и «НА». Думаю, что даже в прошлой жизни я так ругаться не умел, а тут откуда только взялось. Девчонки, разинув рты уставились на меня. Я же завалился на кровать, орошая подушку слезами. Чёрт! Вот опять глаза на мокром месте. Лида и Ольга помогли справиться с процедурой, которую совершают женщины в такие дни. Мои страдания длились три дня, а потом боль прошла. А вечером состоялся разговор с моей, точнее с подругой Евгении Красько.

– Слушай, Женя, я что-то не пойму. Ты простые вещи не помнишь. Это после травмы?

– Да, Лида. Понимаешь, как летать помню, а некоторые моменты забыла. Получается, здесь помню, а вот здесь нет, – выдал я версию из кинофильма «Джентльмены удачи», трогая разные стороны головы.

В общем поговорили, а я взял слово с Лиды, что она никому не расскажет. Постепенно я привыкал к новому телу. Хорошо ещё, что у меня грудь всего второго размера, даже чуть меньше, как пояснили девушки. А то на зарядке прямо беда. Бежишь, а сиськи прыгают вверх, вниз, вверх, вниз. Жесть! Нет, раньше мне конечно нравилось смотреть, как девушки бегают. Что тут скрывать? Приятное зрелище как сиськи подпрыгивают. Но испытывать это на себе? Сомнительное удовольствие. Тело оказалось слабоватым. Там-то я привык совсем к другим физическим нагрузкам. Вот и здесь стал уделять по утрам время для пробежки и зарядки. С растяжкой дела обстояли неплохо. У Красько оказалось достаточно гибкое тело. Упражнения по боевым искусствам старался не афишировать. Но тем не менее Лида и Ольга меня подлюбили.

– Женья, а это что за гимнастика? На бокс похожа или на борьбу, – заинтересовалась Ольга.

Как ни странно, выручила меня Лида. Оказывается, мы с ней знакомы по Москве, она тоже москвичка.

– А чему ты удивляешься, Оля? Насколько я знаю, Иван Павлович в НКВД служит, что-то с разведкой связано. Там таких спецов хватает, а Женька постоянно как мальчишка на тренировки офицеров бегала. Так, Женья?

Я только тупо кивнул головой, ошарашенный новыми знаниями.

– А ещё наша Евгения влюблена в майора. Он лётчик, между прочим. Женька из-за него и пошла на лётные курсы, – продолжила раскрывать секреты Лида.

Вот это поворот! Моя протеже – дочка офицера «кровавой гэбни», и ещё крутила роман с летуном. Попадалово! По-другому не скажешь. Но «лицо» я не уронил. Состряпал улыбку послушной девочки и согласно покивал головой. У самого вертелся вопрос, а ну как раскроет папенька свою дочурку, и мне станет совсем не смешно. Надо ограничить контакты с роднёй, а лучше совсем исключить. Будем писать письма «сухим канцелярским языком». Перед самым выпуском узнал новость о том, что Евгения Красько должна была пойти переводчиком. Знает эта девушка три языка, немецкий, английский и французский. И когда только выучить успела? Я пробовал задавать наводящие вопросы Лиде, но она не знала. Сказала, что мать Евгении знает несколько языков и отец вроде тоже, но какие не сказала. Вот же партизанка Лида! А может и вправду не знает? На моё счастье, знание иностранных языков я получил в прошлой жизни, про испанский своевременно умолчал. Был ещё занимательный случай моего привыкания к телу женщины. После выхода из санчасти, пошли мы в баню. В лётной школе надо сказать баня добротная и сделана на совесть. Причём парилка отдельно от мойки. Вот значит захожу я в составе эскадрильи, нас так сразу приучали передвигаться. В школе в состав эскадрильи входило десять девчонок. ДЕСЯТЬ! Молодых вполне симпатичных девок, это вам не шутки. Правда фигуры крепенькие, не то, что в моё время. Но всё равно глаз радует. Вот я и завис, сел на лавку сижу кайфую. Нет, конечно, я и в той жизни с девочками по баням хаживал, но там цели были другие. А тут просто помыться надо. Делать нечего раздеваюсь, но не спешу, разглядывая тела молодых женщин. Точно вам скажу, что в этом времени модельной внешностью и не пахнет. В том смысле, к каким моделям мы привыкли у себя, в той моей, другой жизни. Девки все кровь с молоком. Ростом не высокие. Есть, конечно, например моя подруга Лида, да и Ольга тоже вроде под метр семьдесят. В этот момент я отвлёкся, точнее меня отвлекли. Кто-то из девушек, кто именно я не разглядел, выразила восхищение.

– Женька, какая ты красивая! Вот чисто артистка. А фигура блеск! Мужики не зря за тобой бегают как мартовские коты. И поёшь ты и играешь на гитаре. Вот чего в артистки не пошла? – и девушку поддержали другие.

– Точно, Женья, почему в артистки не пошла? – подруга Ольга голос подаёт.

Упс, я задумался. Моё тело играет и поёт. Интересно что поёт? Я встал с лавки и приступил к разглядыванию своего тела перед зеркалом. Было такое в бане, правда не очень большое, но всё равно рассмотреть можно. Стою кручусь. То одним боком повернусь, то другим. Зад рассмотрел. На возгласы типа «завертела жопой», внимания не обращаю. А ничего так тушка, вполне фигуристая. Мне бы такая тёлочка понравилась однозначно. Волосы вот только длинноваты, в косу их мне Лида заплетает. И внизу живота не брито, но здесь все такие «пушистики». Думаю, надо обрезать покороче свою русую шевелюру. А то заплетай косу как проклятый, я, кстати, и делать этого не умею.

– Девочки, кто поможет мне отрезать косу? – спросил я, оглядывая девушек в раздевалке.

– Ты слурела? Такую красоту отрезать хочешь? – возмутилась Лида.

– Прощай молодость, здравствуй жизнь венного лётчика, – улыбнулся я.

Нашлась девочка, которая косу на моей голове срезала, а потом аккуратно подровняла причёску. Получилось что-то на вроде короткого «каре». Мне понравилось и я, напевая мотив песенки «а ну ка песню нам пропой весёлый ветер...» направился в мое отделение. Попарился на славу, позже сидел и разглядывал моющихся молодых женщин, медленно натирая себя мочалкой. Если бы что-то могло стоять, у меня бы встало, но увя. Кроме сосков на груди ничего не затвердело, поэтому я сидел и грустил о потерянном мужском облике. Значит теперь я попаданец, звучит как матерное слово. Но ничего не поделаешь, надо как-то жить. Вот только бы понять, зачем меня сюда закинули. Для какой цели? Какие такие поступки мне надо осознать? Непонятно. Какому хорошему человеку помочь выжить? Летать я умею и неплохо, а в связи с этим, попробую сохранить жизнь этой Жене Красько в «кровавой бане» войны.

Май 1943 год. Южный фронт. 73-й гвардейский авиационный истребительный полк.

Итак, после майских праздников мы получили направления в авиационные полки. Раскидали выпускников по различным фронтам. Меня не зачислили в женский полк, а направили в 73-ий гвардейский истребительный авиационный полк. Полк входил в 6-ую гвардейскую авиационную и истребительную дивизию. А дивизия входила в состав 8-ой воздушной армии. Пункт дислокации полка располагался севернее тридцати километров от Ростова-на-Дону. Город освободили от фашистов ещё в феврале этого года. В 73-ю кроме меня, направляли ещё девять человек. Из девчонок попали Лида Карпова, Ольга Петрова, Татьяна Сомова и Галина Титова, а из парней направили Игоря Шилина, Андрея Левина, Николая Смирнова, Тиграна Абрамяна и Рафаила Мустафина. Нам на руки выдали все необходимые документы, и мы провели последний вечер в школе. Прощание было грустным. Девочки даже всплакнули, клятвенно обещали писать друг другу. Я не брал адресов, сколько я здесь пробыл? Месяц от силы, и то большую часть в депрессии. Хотя мне тоже пихали в руки бумажки с названиями полков. Я не отказывался. Зачем обижать людей? Они прожили здесь почти полгода, а в военное время испытываешь совсем другие чувства, нежели в мирное время. Я в той жизни ветеранов уважал. Да и люди здесь другие, это я заметил практически сразу.

Добираться нам было не близко, 850 километров, только по железной дороге. Ребята приуныли, рвутся на фронт и это понятно. Девушки восприняли это дело более спокойно. Но удача нас не покинула. Утром меня вызвал замполит майор Гринько. Здесь замполиты играют важную роль, потому медлить не стал и пошёл в штаб.

– Товарищ майор, младший лейтенант Красько по вашему приказанию прибыл-а, – отпартовал я, запнувшийся на последнем слове.

– Проходи, Евгения. Вот хоть и не любишь ты меня, а я позаботился о вас. В 10 утра летит транспортник в Ростов. Я договорился, вас прихватят. Вот только расчёт по бутылке коньяка, с каждого, – сообщил замполит.

– А с похмелья никто не заболит? – подколот я майора.

– Отставить пререкания. Для вас стараюсь, а то наматываетесь по теплушкам, да по вокзалам.

Действительно и чего я взъелся на политического оратора? Хотя подозреваю, подбивал он клинья к моему нежному телу. Вон как зыркает, так и мечтает под юбку заглянуть, подражатель делу Ленина, который живет всех живых. Тем не менее я поблагодарил майора и отправился обрадовать своих соратников по школе, теперь наверно однопольчан. По дороге мне пришла в голову недурственная мысль, поэтому сразу с порога я огорошил ребят и девушек.

– Парни, вы на фронт торопитесь? – с улыбкой задал я вопрос ребятам.

– Конечно. Быстрее бы фашистов бить, – подал голос самый нетерпеливый Левин.

– Короче, я договорилась. С вас по две бутылки коньяка. В смысле с парней. Девушек подбросят бесплатно. Через несколько часов будем в Ростове, с ветерком и на крыльях ненависти к фашистским захватчикам нашей любимой Родины. Согласны?

С криками «ура» парни побежали приобретать магарыч для летунов. А через час мы грузились в Ли-2. Вспоминать о полёте не хочется, шумно и сквозняк жуткий, а ещё холодно. Хорошо, что у нас были шинели, а то бы совсем «дуба дали». Продовольственный аттестат дали на двое суток, а должны были на десять дней. Вот скряги. Наверняка зам по тылу поделит тушёнку с замполитом. У-у, расхитители социалистической собственности. Тем не менее в Ростов мы прилетели без приключений. Оказывается, наш будущий полк предупредили и на аэродроме нас ждала полуторка, во главе с старшим лейтенантом Сергеем Носовым, а за рулём сидел улыбчивый парень, Саня Тубин. Возраст у водилы был примерно наш. Моему телу исполнилось двадцать лет. Да и «страшный лейтенант» недалеко ушёл, может на пару лет постарше. Он с интересом осмотрел нас, глазки заблестели, когда смотрел на девушек. Сначала видимо хотел предложить ехать в кабине кому-то из девчонок, но передумал пятерых не посадишь. А мы с Лидой сразу полезли в кузов. Прибыли к вечеру. Погода стояла тёплая, плюс двадцать два, так что мы шинельки скрутили. По форме на нас одеты юбки, хотя по вещевому довольствию были и шаровары. С обмундированием, я так понял были какие-то проблемы, но девушки видимо их решили ещё до меня. Например, сапоги мои были не очень большого размера, как и гимнастёрка с юбкой. Добирались до расположения полка больше часа, так что успели все кишки вытрясти. Я раньше даже не подозревал, что полуторка такая тихходная машина. По комфорту – как на скамейке едешь. Кто такую машину изобрёл? Похоронить бы конструктора в ней, но прежде повозить в кузове пару сотен километров.

Выгрузили нас возле штаба, это была землянка, но достаточно просторная. Личный состав находился в палатках под деревьями. Ну что же нам не привыкать. Полк расположился в небольшом лесном массиве, видимо для маскировки. Некоторые самолёты стояли под деревьями, а те, что расположились на открытом месте, закрыты маскировочными сетями. Встречать нас вышло почти всё начальство. Мы построились в одну шеренгу, а старлей отработал о прибытии пополнения и передал наши личные дела майору, точнее тот сам их взял. Видимо это местный «молчи-молчи», или как они здесь называются? Ага, начальник особого отдела полка. Командир полка Гладышев Иван Васильевич, полковник, точнее гвардии полковник. Мне он понравился, основательный такой мужик. Видно, что человек умный и спокойный, царя горы из себя не мнит. Он прошёл вдоль шеренги, внимательно осматривая каждого из нас. Велел заместителю по тылу привести форму в порядок, это он, наверное, про гвардейские значки. Зам по тылу гвардии капитан Жилин Иван Петрович, что-то много Иванов на одном квадратном метре. С ним явно надо дружить, но только духовно, никаких допусков к нежному девичьему телу. Я видел, что мои однокашники по школе волнуются, а вот сам я, почему-то был спокоен. Честно сказать я в какой-то мере воспринимал всё случившееся со мной, как компьютерную игру. Комполка представил своих заместителей. Замполит гвардии капитан Зузин Андрей Ильич, начальник штаба гвардии подполковник Борин Илья Тихонович, командир роты охраны гвардии капитан Зеленин Сергей Сергеевич, начальник особого отдела гвардии майор Гарин Сергей Петрович, начальник технико-эксплуатационной части, кратко ТЭЧ, гвардии капитан Дубов Андрей Семёнович, зам командира полка гвардии майор Жаров Леонид Петрович, командир 1-ой эскадрильи гвардии капитан Лыков Иван Петрович, командир 2-ой эскадрильи гвардии капитан Попова Ирина Антоновна, командир 3-ей эскадрильи гвардии старший лейтенант Носов Сергей Иванович. О-па-па, вот значит кто нас встречал, хоть и важничал, но сразу не сказал, что командир. Остальных, комполка перечислять не стал, видимо кого-то не было здесь

– Носов, сегодня молодёжь пусть располагаются и обживаются. Жилин поставит на довольствие. А завтра с утра посмотрим кто и что может, потом будем распределять по эскадрильям. Сколько у вас налёт часов, товарищи военные лётчики? – спросил полковник у Игоря Шилина.

– По пятнадцать часов, товарищ гвардии полковник, – рывкнул Шилин.

– Не надо кричать. Наверняка у всех одинаково. Сергей, тогда так, утром взлёт, коробка, посадка. Если есть слабые места, то готовите вместе с Поповой. И каждый день занятия по теории. Через неделю вновь прибывшие должны войти в строй, – распорядился комполка.

Нас распустили, и мы пошли к палаткам, где нам определили спальные места. Нас, в смысле девочек, повела Ирина Попова.

– Девчонки, у нас здесь в принципе по-простому. Хотя субординацию соблюдайте. Языки не распускайте, замполит фанат своего дела, враз мозг по стенке размажет. Задом не крутите, а то потом от кобелей отмахиваться устанете. Майор особого отдела мужик правильный, без вины не цепляется, за своих заступает, но очень не любит трусов. Командир строгий, но справедливый, так что старайтесь быстрее освоиться, людей не хватает. Будете жить в нашей палатке, сейчас там двенадцать человек поместится. Нас семь лётчиков. Эскадрилья наша чисто женская. Ну и вы пятеро. Хотя возможно командир раскидает всех по разным эскадрильям. В палатке тепло, даже ночью уже не подтапливаем. Форма одежды полевая, так что переоденьтесь. До ужина вас будет вызывать Гарин, по очереди. Остальные на теорию. Проводить буду я, успеем до ужина позаниматься, – кратко ввела в курс дела Попова

Мы пришли в наш будущий дом, на неопределённое время. Я внимательно рассмотрел Капитана Попову. Два ордена Красной Звезды и орден Суворова третьей степени, это вам не баран чихнул, а по годам ей всего двадцать три года. Воюет с декабря сорок первого, а значит летать умеет и неплохо, фашистов видимо бить, тоже может. НО самое главное – научилась выживать. Насколько помню из школьной истории в первые годы войны лётчиков не успевали хоронить. Так что достойна капитан полного уважения.

Через двадцать минут мы сидели за столом в учебном месте. Под навесом закреплена небольшая школьная доска с мелками, здесь же и стол. Ирина Попова показывала на модельках самолётиков, как уходить от противника. Объясняла, что можно подставить плоскость, а значит немец сойдёт сразу. По одному нас вызывали к «молчи-молчи». Подошла и моя очередь. Я зашёл в землянку особиста.

– Товарищ гвардии майор, младший лейтенант Красько по вашему приказанию прибыла, – отпартовал я, войдя в землянку.

– Хорошо. Проходи и присаживайся. Кстати, гвардии младший лейтенант. Вас уже зачислили в полк, а значит следует добавлять гвардии младший лейтенант.

– Исправлюсь, товарищ гвардии майор.

– Ну-ну. Я прочитал в твоём деле о знании иностранных языков. Немецкий хорошо знаешь?

– Есть такое дело, – ответил я, подозревая, что меня будут агитировать в штаб.

– Не желаешь в штабе послужить? С переводчиками напряжённо в дивизии.

– Лучше я буду летать. Если пойду переводчиком, у вас меня заберут. Сами говорите, что напряжённо с личным составом. И ваш полк лишится хорошего лётчика. А в штаб я могла попасть сразу, незачем было время тратить в лётной школе.

– Ну насколько ты хороша, ещё надо выяснить, – засмеялся майор.

– Завтра покажу. Думаю, все останутся довольны пополнением.

Майор снова улыбнулся, задал несколько вопросов и отпустил, велел звать следующего. Занятия по теории проходили до ужина, а потом мы пошли в столовую. Хотя столовая была просто под навесом. Кормили здесь прилично. Я и раньше слышал, что лётчиков в продуктах не обделяли. И причина этому есть. Лётчик истребитель испытывает огромные перегрузки, будут плохо кормить, лётчик может потерять сознание в полёте. Не давали продуктов, которые могут вызвать газообразование в кишечнике, чтобы при перегрузках кишка какая не лопнула. За ужином на нас посматривали ребята из полка. Наверняка уже распределили, кто за кем приударит. После ужина у нас личное время, девочки взялись писать письма домой и друзьям, старослужащие девушки шили нижнее бельё, расхваливая парашютный шёлк.

В это время в столовой за ужином сидели комполка, замполит и особист.

– Иван Василич, может новенькую в штаб определим? Я про Красько говорю. У неё три языка в совершенстве. Жалко если такого специалиста собьют, – завёл разговор особист.

– Семёныч, мне пилоты нужны. Скоро летать некому будет. В дивизии обещали, что с Урала из школы, человек десять подкинут, но это не факт. К тому же у тебя её заберут гарантировано, – сморщился полковник.

– Чтобы в штабе служить, надо её на полит пригодность проверить, – вставил свои три копейки политрук.

– Ты смотри, Андрей Ильич, без своих штучек, а то знаю я, как ты молодым девушкам проверки проводишь, – заметил особист, от чего замполит недовольно поморщился.

– Да-да. Андрей Ильич, давай не усердствуй. В личном деле указано, у Красько отец в НКВД, правда не знаю в каком отделе. Что касается её как лётчика, завтра посмотрим, если слабо летает, определим в штаб, будет летать на «этажерке», – добавил командир полка.

Офицеры, закончив ужин направились в штаб.

Утром как обычно, я побежал на пробежку, одел шаровары сапоги и рубаху от нижнего мужского белья. Звал девчонок, но они отмахнулись.

– Женька, ты скоро в беговую лошадь превратишься, – вдогонку мне прибавила Ольга Петрова.

Попова, одевалась здесь же, но ничего не сказала, хотя посмотрела внимательно. В лесу сделал разминку и поиграл в бой с тенью. Умывшись, вошёл в палатку. Девочки снова обсуждают шёлковое нижнее бельё. Пришла Попова.

– Все новенькие на площадку, где учебный самолёт стоит. Будете показывать, чему вас научили в школе. Хотя школа там приличная, я сама её заканчивала, ещё до войны.

Мы по-быстрому собрались и пришли к учебному самолёту. И это был уже поношенный Як-1. «Старичок» вполне в пригодном состоянии. На таких все летали вначале войны. Командовал здесь старлей Носов.

– Ну что, будущие лётчики, кто-то желает начать первым? – весело спросил старлей.

Вызвался Тигран Абромян. Отлетал армянский орёл нормально. Даже комполка похвалил, он присутствовал здесь же.

– Молодец, взлёт посадка на отлично и машину ровно держал.

На что Тигран довольно улыбался. Меня вызвали седьмым по счёту.

– Давай покажи Красько, на что способна. А то я слышал ты хороший лётчик, – съязвил политрук, уже успел подтянуться сюда, «редиска» и нехороший человек.

Я молча подошёл к самолёту, техник помог мне одеть парашют. Я влез в кабину, осмотрел приборы. В школе мне довелось один раз полетать на таком «старичке». Ну что же, покажем класс будущего. Меня вдруг охватила какая-то эйфория и задор. Даже не знаю, как объяснить. Взлетел без ошибок, сделал коробочку. Ну и решил подтвердить свои слова о хорошем лётчике. А то как-то нехорошо получается, сказал значит надо делать. И я пошёл на фигуры высшего пилотажа. Сделал для разминки «бочку», потом разогрелся на «мёртвой петле». «Колокол Ковчура» получился, хоть и с трудом. Фигуру пилотажа «Ранверсман» сделал на мой взгляд идеально, по-другому эту фигуру называют «горка». Закончил всё «плоским штопором». Причём выходить начал на семистах метрах. На выходе из штопора пролетел очень низко над аэродромом. Подозреваю там меня обложили трёхэтажным матом.

В это время на аэродроме.

– Во, Женька, даёт, – восхитилась Лида и девушки криками «ура» поддержали её.

– Где она так научилась? – задала вопрос вслух Попова.

– А ведь действительно хороший лётчик, – засмеялся особист.

– Во мать твою, коленца выдаёт! – выкрикнул техник.

– Ну-ну, – произнёс хмуро комполка, хотя уголками губ он улыбнулся.

Выбежало много народу, все с интересом смотрели на фигуры пилотажа. Когда я приземлился, подошёл к командиру с рапортом.

– Товарищ гвардии полковник, гвардии младший лейтенант Красько задание по учебному полёту выполнила, – чётко по-военному приложил ладонь к пилотке, улыбаясь до ушей.

Гладышев подошёл ко мне вплотную и грозно посмотрел на меня.

– Где летать так научилась, расскажешь? – спросил он.

– Я без ложной скромности талантливый лётчик, товарищ гвардии полковник.

– Хм, вот значит как? Но пока вы нарушитель, товарищ «талантливый лётчик». Самовольно приступили к выполнению сложных фигур пилотажа, рисковали машиной и собой. Объявляю вам двое суток ареста, – полковник явно сгоряча выдал мне «фитиля».

– Есть двое суток ареста, – отчеканил я и двинулся в сторону гауптвахты, благо она располагалась в ста метрах от того места, где мы стояли.

Все молча смотрели в мою сторону. Капитан Попова только хмыкнула. Младшие лейтенанты продолжили учебные полёты.

Лежу на нарах и от скуки читаю стихи в полный голос «Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый неволей орёл молодой...». Громко так читаю, во весь голос.

– Скорее орлица, – голос комполка был неожиданным, я даже вздрогнул.

Не заметил, как Гладышев зашёл на гауптвахту, стоит ухмыляется. Я соскочил с нар, вытянувшись по стойке смирно.

– Получается, не хочешь сказать, где летать учились? – спросил полковник.

– Как где? В лётной школе, – отвечаю, потупив взор.

Ну не говорить же ему в самом деле правду, подумает, что Красько сумасшедшая.

– Я тебе вот что скажу. Летать красиво это хорошо. Но воевать в небе совсем другое. А похвалиться просто не скромно. В бою совсем всё по-другому будет, – комдив был задумчив.

– Я действительно хорошо летаю, товарищ полковник. А бой... Научусь, все учатся, и я научусь. Не велика наука. Если только вы меня с гауптвахты отпустите, а то здесь летать не на чем.

Полковник что-то хотел сказать резкое, но глубоко вздохнул, а потом выдохнул.

– Ладно, сейчас иди отдыхай и на ужин не забудь зайти. А завтра в паре с опытным лётчиком учебный бой проведём, может тогда поймёшь, что это не шутки.

И я отправился сначала на ужин, а потом в палатку. Когда вошёл в расположение девчонки зашебетали «Ну Женька ты даёшь» и в таком духе, а я молча прошёл к своей кровати и улёгся не раздеваясь. Ирина Попова внимательно меня рассматривала, но ничего не сказала. Ночь прошла спокойно, мне снился мой 21-ый век, близняшки с которыми я должен был встретиться. Из сна меня вырвала команда «подъём», в самый неподходящий момент. Я во сне только начал раздевать близняшек. Я полежал ещё некоторое время на кровати, поднялся ведь зарядку никто не отменял. В этом вопросе главное не поддаваться лени, а то тело Евгении Красько чисто женское и его надо тренировать. Мало ли что на войне случится. Бегаю я вокруг территории полка, получается примерно шесть километров. Этого достаточно, чтобы разогреться. Потом в лесочке отжимаюсь и делаю упражнения с растяжкой на шпагат. Эх, мне бы ещё мешок боксёрский, но где тут такой возьмёшь? Вернулся к умывальникам, здесь ребята умываются. Рядом с умывальниками сделаны душевые кабинки, наверху закреплены бочки, к которым приделаны душевые носики. Вот такой нехитрый «дачный» вариант. Я пропотевший пошёл ополоснуться.

– Вам, Евгения, никакой воды не хватит. Каждый день душевые процедуры принимаете, – завёл разговор пока незнакомый лётчик.

– А вам, простите не знаю вашего имени, воды жалко? А вы знаете, что девушкам желательно два раза душ принимать, каждый день? – спросил я, выходя из кабинки и вытирая волосы на голове.

– Воды не жалко. Давайте знакомиться. Валерий Кротов, лейтенант. Летаю в третьей эскадрильи. Мне вчера понравилось, как вы фигуры пилотажа показали. Видимо хороший инструктор вас обучал. Кстати, а зачем два раза душ?

– Ну моё имя вы знаете. Так что представляться не буду. А подглядывать за девушками нехорошо, товарищ лейтенант. А душ нужен, чтобы у таких как вы вопросы возникали.

Лейтенант пытался что-то сказать, но я уже топал к своей палатке. Наши ушли на завтрак, в палатке оставались две девушки из старого состава.

– Женя, догоняй своих, они на завтрак ушли, а после у вас теория. Так что, будь добра, поторопись, – сообщила Татьяна Зорина, по званию она старлей.

Я быстро оделся и побежал в столовую. В «учебный класс», если так можно назвать место под навесом, опоздал. Замполит проводит беседу, накачивает молодое пополнение идеями коммунизма, очень важной роли партии в построении общества и так далее.

– Опаздываете, Красько. Считаете, что знание политики партии вам необязательны? – наш политрук, цепляется как репей.

– Никак нет, товарищ гвардии капитан. Политику партии и лично товарища Сталина поддерживаю и верю в светлое будущее и победу Мирового коммунизма, – отчеканил я, вытянувшись по стойке смирно.

Зузин продолжил занятия, правда при этом смерил меня суровым взглядом. Через пятнадцать минут его сменил старлей, Сергей Носов, он снова показывал, с моделями самолётов в руках, как маневрировать при атаках или уклонение от атак противника.

В штабе полка Гладышев раздаёт распоряжения. Здесь присутствуют капитан Ирина Попова и капитан Иван Лыков.

– Ирина, полетишь на юг-запад, вот в этот квадрат. Пошукай там, скопления немцев есть или нет, с собой, ведомым, возьми опытного пилота. Сделайте по-тихому, далеко за линию фронта не удаляйтесь. Нам нужны данные по общей обстановке в этом квадрате.

– Я возьму Зорину. Всё сделаем, Иван Васильич, не сомневайтесь.

– Дело в том, что туда выйдут партизаны, они в этом квадрате присмотрят площадку, а через пару дней, будем им забрасывать боеприпасы и прочее. Полетим на «этажерках». Потому желательно понять, есть в округе немцы или нет.

Гладышев посмотрел на Попову и отпустил её.

– Теперь с тобой, Ваня. Завтра твоя эскадрилья летит сопровождать «пешки». Летишь всем составом. У тебя сколько человек в строю?

– Двенадцать. Скоро из госпиталя старший лейтенант Груздев вернётся, были наши в Ростове, он через пару дней выписаться должен.

– Хорошая новость. Что касается сопровождения, на провокации «худых» не отвлекаться, ваше дело не позволить фашистам, к «пешкам» даже приблизиться.

– Сделаем, Иван Васильевич, не подведём.

– Что касается сегодня. Есть у нас среди новеньких егоза и зазнайка. Летает любо дорого смотреть, но нос задирает. Тебя вчера не было, она тут класс пилотажа показывала.

– Красько кажется, мне ребята уже рассказали, – засмеялся Лыков.

– То-то и оно. Надо её охладить, в бою с немцами воевать – это не пилотаж крутить. Немец вояка серьёзный, враз на землю спустит. Да что я тебе говорю? Сам всё знаешь. А её занесёт в бою, и всё не будет хорошего лётчика. Кто у тебя самый шустрый?

– А почему мои? Носов пусть на место поставит, сам или кого пошлёт. Есть у него достойные. А ещё лучше Попова.

– Ты поучи ещё батьку... Кхм. Носов говоришь? Он комэск, нехорошо получится, если его пигалица сделает, – засомневался комполка, а Лыков вновь рассмеялся.

– Замполит жаловался, «зубастая» говорит. Ладно есть у меня старлей, помните месяц назад, он двоих «мессеров» умотал, причём в одиночку. И на язык острый, палец в рот не кладет, – предложил Лыков.

– Титов что ли? Вот Колю Титова и поставь, пусть сегодня после обеда покажет, что в бою всё намного серьёзней. Заодно собьёт с неё зазнайство. А мы ещё добавим внушение.

Сию, слушаю, смотрю и внимаю. «Страшный лейтенант» Сергей Носов проводит теоретические занятия. По всему видно лётчик опытный, рассказывает, как ведут себя в бою немецкие асы. Без дураков в воздухе всё серьёзно. Допустишь ошибку и каюк, тут же на землю отправят. Как ни странно, у меня страха нет, может я не проникся ситуацией. Может воспринимаю как-то неправильно, будто в компьютерную игру играю. Напрягает меня ещё момент, ничего не могу вспомнить из жизни Красько, как будто её памяти и не было. А это печалька. Мелькает что-то в голове, вроде ухвачу мысль, но выразить не могу. Может позже память проявится от девушки Женьки? Вот полковник вчера сказал, что сегодня в паре летать буду. Наверно хотят показать, что бой – это не шутки. В бок толкнула Лида, мы сидим рядом.

– А, что? – встрепелся я от своих дум, ребята и девушки засмеялись.

– О женихе мечтаешь, спрашиваю? – веселится старлей Носов.

– Ага, хочу замуж за генерала. самого генеральского генерала, а лучше маршала. Познакомьте меня, товарищ гвардии старший лейтенант, с маршалом. Ну пожалуйста, вы же давно на фронте, наверняка есть знакомые генералы. Или женитесь сами, – я так дурачусь и использую жалобный тон, как у девочек.

Вся группа дружно смеётся, а старлей растерялся, даже щёчки покраснели. Теперь я понимаю, как девочки мальчиков в «краску» вгоняют.

– Э-э-э... О полётах надо думать, товарищ гвардии младший лейтенант, а не о глупостях, – и старлей продолжил занятие.

Пришло время обеда, Носов приказал нам следовать в столовую, не успели отойти от «учебного класса», меня окликнул местный механик, старший сержант Егоров Василий Кузьмич, про него говорят дядька знающий и мастер «золотые руки». По возрасту ему 55 лет, а иди ты, взяли на фронт, видимо добровольцем. Седой совсем, но крепкий дядечка, на груди две медали висят «За отвагу» и «За храбрость». В общем героический дядька, его, кстати, здесь в полку так и кличут Кузьмичом.

– Я тебе, дочка, вот что скажу. У нас поступили уже Як-9, «семёрок» мало осталось. Я слышал у тебя учебный бой будет после обеда, так что не стесняйся и проси у командира «девятку». Машины стоят в ряду, слева от взлётной полосы. Первый справа хороший аппарат, я его настроил, а лётчика на него нет, пока. Они все без номеров. Поняла?

– Да, Кузьмич, поняла. Какие уж тут стеснения? – закивал я головой, подумав о том, как меня запихали в этот мир.

– Ну вот и добре. Я видел вчера как ты крутилась в воздухе, мне понравилось, – старший сержант похлопал меня по плечу и пошёл по своим делам, а я побежал догонять своих к обеду.

Война войной, а обед по расписанию. Не перестаю удивляться, как здесь кормят. Полковник наверно лучших поваров подтянул в свой полк. Очень вкусно. Сию за столом, ложкой махаю и не думаю о том, что могу поправиться. Это девочки пусть заморачиваются, а я девочка неправильная и покушать люблю. Сегодня на обеде увидел капитана Ивана Лыкова, он комэск 1-ой эскадрильи. А ничего такой, героический парняга. Лет тридцать, может чуть больше. Два ордена, «Красной Звезды» и «Боевого Красного знамени», а главное у него звезда героя висит и орден Ленина, их вроде вместе дают. Будем ровняться на него. Серьёзный такой, к молодому пополнению не пристаёт, в смысле к девушкам. Лыков заметил, что я на него смотрю и улыбаясь подмигнул. Ну вот! Только подумал и сразу сглазил человека. В полку уже все знают, что будет учебный бой. Сразу после обеда ко мне подошёл Серёга Носов.

– Женя, в пару с тобой, летать будет Коля Титов. Он опытный лётчик, «яшки» хорошо знает и сбитых у него полтора десятка. Не давай ему пристроиться в хвост. И кстати, в лобовую он немца уже сбивал, – напутствовал меня наш «гуру» по теоретическим занятиям.

Я покивал головой, дескать «всё понял, будет исполнено». Через час после обеда собрались на аэродроме, точнее на «взлётке». Все свободные от службы пришли. Вот вам и авиашоу местного разлива. Полкан подошёл осмотрел нас с Титовым, чему-то хмыкнул подозрительно.

– Гвардии старший лейтенант Титов, проведёшь учебный бой с гвардии младшим лейтенантом Красько. Задача удерживать в прицеле десять секунд, в бою бывает достаточно и пять секунд, но у нас учебный. И без дураков, – Гладышев зачем-то погрозил кулаком Титову.

– Есть провести учебный бой, – ответил старлей.

– Разрешите вопрос, товарищ гвардии полковник, – тут же влез я.

– Разрешаю, говори Красько.

– Разрешите совершать учебный полёт на Як-9. Нам же на них летать придётся, а не на этом «корыте», – и я кивнул на учебный Як-1.

– Ишь ты шустрая какая. Уже всё знает. И какой хочешь? – Гладышев явно веселился.

– Из новых, первый справа. Чувствую он меня как любимый муж охранять будет, – отчеканил я.

Комполка поморщил лоб и согласился, но опять подозрительно хмыкнул. Через пятнадцать минут дадут команду на взлёт. Я услышал, как Титов разговаривает с бывалыми однополчанами.

– Проблем нет. Пристроюсь с зада и ка-а-к... эх красота, – и старлей сделал неприличное движение перед собой руками, как лыжник.

Вот козлина, я-то знаю, что парни имеют ввиду, когда так показывают, что типа девочку трахают. Меня почему-то такое действие задело. Я приостановился и подошёл к смеющимся лётчикам и механикам, обратившись к старшему лейтенанту.

– Товарищ гвардии старший лейтенант, вы знаете почему парень девушку не может изнасиловать на бегу?

– Расскажите нам, Красько, – Титов вновь засмеялся.

– Потому что девушке с задранной юбкой убежать легче, чем парню со спущенными штанами. Когда я вас сделаю там, в воздухе. Вы по кустам слёзы горькие не лейте, это же учебный бой. И кстати, чтобы пристроится ко мне сзади, надо чтобы «пушка» не подвела. Червячок, не подведёт? – когда говорил про пушку многозначительно посмотрел на низ живота старлею и хлопнул себя по попе, а при слове «червячок» вытянул мизинчик и согнул, разогнул его, намекая на достоинство Титова.

Вот здесь смех превратился в реальный ржач. Лётчики хлопали по плечу Титова приговаривая, «А сделала тебя девчонка». «Ведьма» буркнул Титов, покрасневший как рак, от этого смех только усилился, а я пошёл походкой стервы, гордо подняв голову.

Меня у Як-9 поджидал Кузьмич, помог пристегнуть парашют и забраться на крыло. Я уселся в кабину, осмотрел приборы. В прошлой жизни я летал на таких, участвуя в авиашоу. Что же машина знакомая. Надо не дать времени на раскачку Титову, хотя если проиграю никто осуждать не будет. Последней тирадой я похоже разозлил лётчика. Но во мне разыгрался азарт, надо попробовать не опуститься ниже плинтуса. Зрители во главе с полковником вооружились биноклями, у кого была, конечно, такая возможность. Я и раньше, по рассказам о войне, слышал, что лётчики воевали на особом положении. Так что бинокль здесь не «вундервафля», а прибор, который может быть у многих. По жребии мне взлетать первым, хотя, между нами, разрыв меньше минуты. Я сразу свечой пошёл вверх, при этом не забывая вертеть головой, машина позволяет такие манёвры. А Титов не так прост, сразу начал пристраиваться ко мне в хвост, но в прицел к нему, я явно не попадал, ему нос не задрать сильнее. И я пошёл на «петлю Нестерова», но сделал полупетлю, оторвавшись от старлея. Титов по кругу пошёл вниз, надеясь

зайти снизу, я пикированием пустил самолёт практически одновременно и даже зашёл в хвост выравниваясь, но продержал его в прицеле только пять секунд. Старлей начал набирать высоту и сделал «боевой разворот», я же проскочил, и он тут же пристроился в хвост. Нечего сказать, крутой лётчик старлей. Принимаю решение уходить с помощью «размытой бочки». Вращаю аппарат вокруг оси и по спирали, похоже такого они здесь не знают, получилось. Ухожу влево и в низ, мы на разных курсах. Расходимся, думаю он попробует меня взять на лобовой атаке. Разворачиваюсь, высматривая Титова. Вот он, точно в лоб идет, чуть приспускаю нос и снова в «размытую бочку», уход вправо и в низ. Дальше резко набор высоты и «колокол», Титов попробовал повторить, но вовремя понял, что может подставиться, ушёл. Он начал набирать высоту, чтобы атаковать сверху, я тут же рванул за ним только параллельно, и чуть позже. Он разгадал мой план снять его на сваливании и пустил самолёт в право, я поднялся выше, когда он уже шёл на сваливание и видимо меня потерял на какой-то миг. Я решил выполнить «хаммерхед», опасная фигура, если бы Титов меня видел я для него хорошая цель в точке сваливания, там самолёт зависает. Но сейчас красиво получилось, я его держал десять секунд точно. Сколько мы так кружили, я не отразил по времени, но вспотел я капитально. Ещё бы перегрузки такие, что вес тела увеличивается в пять, а то и в шесть раз.

В это время на аэродроме.

– Смотри как лихо ушла, похоже на «бочку», только что-то незнакомое, – возглас Носова.

– Ну на лобовой можно обоим засчитать плюсы, – выразил мнение Лыков.

– А это, что за фигура? – спросил Тигран, когда увидел последний спич Красько.

– Манёвр называется «хаммерхед». Опасный манёвр, при таком сбить легко могут. Но Титов её потерял на несколько секунд, вот она и воспользовалась, – прокомментировал Гладышев.

– Считаю два один в пользу Красько, – подвёл итог замкомандира, майор Жаров Леонид Петрович.

– Да, пожалуй, давай команду «отбой», Леонид Петрович, – скомандовал комполка.

Первым совершил посадку Титов. Он был ближе к посадочной полосе. Николай вылез из кабины и подошёл к Гладышеву. Настроение у Титова было явно подавленное.

– Чёрт в юбке. Шустрая как блоха. Только на лобовом смог секунд пять удержать. В бою, конечно, мог бы и сбить. Летает красиво, что тут скажешь, – и старлей посмотрел на Лыкова и Гладышева.

– Ведьма? – констатировал вопросом Лыков и засмеялся.

– Как есть Ведьма, причём на помеле, – глухо подтвердил Титов и опустил голову.

– Товарищ полковник, отдайте её мне в эскадрилью, – попросил Лыков.

– У тебя и так хватает приличных лётчиков. Это Поповой сейчас нет, а то бы начала пояснять, что женщины, женская эскадрилья. Кстати, у Носова некомплект. Посмотрю ещё на Красько. Завтра в разведку отправлю с кем-нибудь, пожалуй, можно её к делу приставить.

Я посадил самолёт и вылез из кабины, а ведь устал реально, даже ноги дрожат. Кузьмич рядом встречает и улыбается. Хороший мужик, мне понравился. Есть в нём какая-то надёжность. Иду к командиру рапортуя об окончании учебного полёта.

– Молодец, победу тебе засчитали. Сейчас иди отдыхай, – улыбаясь распорядился комполка.

Меня активно поздравляют наши ребята из школы. Но я направился к Титову, он стоит хмурый.

– Не сердись, Николай. Мир, дружба, жвачка, – и протягиваю ему руку, а сам приветливо улыбаюсь.

– Жва... что? – спрашивает старлей, при этом некрепко жмёт мне руку.

– Жвачка, это американцы резину такую сладкую жуют. Капиталисты, что с них взять. Всё у них не по-людски, – весело добавляю я.

Титов улыбнулся.

– С хвоста ты меня лихо сбросила. Расскажешь, что за манёвр такой, – тут же переходит он на дружеский тон, а я согласно киваю головой.

Но на вопрос «где летать так научилась?» отвечаю, что я просто талантливый лётчик. Вечером после ужина я присел на лавочке возле «учебного класса». Состояние было вялое, сказывалось напряжение дневных полётов. Мысли мои крутились о своём будущем. Как сложится моя судьба? Что меня ждёт? Опять же родственники, отец «гэбэшник», теперь получается, что мой батюшка из «кровоавой гэбни», в любом случае дочку без внимания не оставит. А я на полном серьёзе ничего не помню из жизни девушки, до своего попадания в её тело. Что-то мелькает, порой даже кажется, что шепчет кто-то. Но выразить на словах не могу. Не услышал, как подошёл Коля Титов. Он присел рядом, помолчав немного, заговорил.

– Женя, вы простите меня... Я некрасиво себя повёл, насмехаться начал. Это всё характер мой противный, – старлей замолчал.

– Я не обижаюсь, Коля. Мы ведь пожали руки? А значит обиды прочь.

– Ты обещала объяснить по манёвру. Вроде как «бочка».

– Ну да. Правильней сказать «размазанная бочка». Кроме того, что вертишь вокруг оси, машину направляешь по спирали, – я взял веточку и показал, как выглядит кривая направления.

– Здорово кто-то придумал. В бою пригодится.

– Николай, можешь рассказать о Гладышеве, Лыкове и Поповой. Ну что они за люди? Я ведь новенькая здесь, – быстро сменил я тему.

– Много я тебе не расскажу. Гладышев с Лыковым знакомы ещё с Испании. Иван Васильевич был комэском у Лыкова. Ирина воюет давно. В госпитале лежала. Много не говорит, но резкая если понадобится. В нашу эскадрилью вас вряд ли распределят. У Поповой потери большие и у Носова. Он, кстати, недавно комэском стал. Парень хороший, если попадёшь к нему, найдёте способ подружиться. А вот по замполиту предупредить хочу, опасайся его. Бабник он знатный, может использовать служебное положение. Гладышев правда держит его на «поводке». Иван Васильевич хорошо знает комдива Сежнёва Бориса Аркадьевича, тоже по Испании. Так что Гладышева проглотить не просто. Да что рассказывать? Сама понемногу узнаешь. Люди разные, разберёшься.

Мы ещё немного поговорили и разошлись по своим палаткам.

Май 1943 год. Южный фронт. Евгения Красько, Антон Козлов.

Следующий день начинался по распорядку. Утром я сбегал на пробежку и позанимался в лесу. Делая упражнения, всё больше склонялся к выводу что мне нужен напарник или напарники по спаррингу. Пока получалось подтянуть только физуху своего нового тела. В «учебном классе» сегодня учили боевой устав, в том числе общевойсковой. Заместитель командира полка сказал, что принимать будет лично. Ко всему прочему пришёл замполит, заявив, что последний час будет читать нам лекцию о влиянии марксизма-ленинизма на сознание трудового народа. Мне выходцу из 21-го века это казалось полым маразмом. Но делать нечего, лишний раз настраивать против себя капитана Зузина не хотелось. Только замполит приступил к своей лекции, пришёл посыльный из штаба и сообщил, что младшего лейтенанта Краско вызывают к командиру. Я обрадованный тут же поторопился на вызов. Войдя в штабную землянку, отпрапоровал о прибытии. Здесь находились старший лейтенант Сергей Носов, лейтенант Семён Ширяев, лейтенант Антон Козлов, командир полка Гладышев и «молчимо-молчи» майор Гарин. Командир показывал на карте Носову маршрут полёта, Иван Васильевич отвлёкся, когда я вошёл.

– А, Красько. Вот, Сергей, она полетит с Козловым. Через пару дней распределим новичков по эскадрильям твоей и Поповой. Через десять дней ещё обещают новичков с Урала, из Свердловской школы. Так что укомплектуем все эскадрильи. Теперь о деле. Евгения ты летишь

ведомой у Антона Козлова. Твоя задача прикрывать хвост Антона, следуешь за ним будто тебя верёвкой привязали. В мелочах он тебе пояснит позже. Ваша задача встретить из немецкого тыла транспортный самолёт. Возвращается наш разведчик, с особо секретными сведениями. Кроме разведчика в самолёте раненные из партизанского отряда. Ночью не удалось вернуться нашим, по каким причинам не знаю. Летят днём, возможно связано это с тем, что информация должна быть доставлена в кратчайшие сроки, – объяснял комполка.

– Если задача так важна, почему не отправить больше народу? – спросил Носов.

– Две пары и то, считаю много. Вы как пройдёте линию фронта, немцы сразу всполошатся. А потому пойдёте в тыл к немцам разными маршрутами. А уже там будет точка встречи. Вылет через час. Красько, тебе нужен позывной, у нас принято, что лётчик сам делает выбор.

– Мне ведь уже придумали прозвище. Вот пусть и будет позывным «Ведьма», – предложил я свой вариант.

Все присутствующие обменялись взглядами, а майор Гарин улыбнулся.

– Ну хорошо. Ведьма так Ведьма. Надо будет только замполита нашего подготовить и успокоить, мало ли что, – согласился полковник и все засмеялись.

Мы вышли из штаба. Носов сообщил, что за мной закрепили самолёт, на котором я вёл учебный бой. Я решил тут же дойти до Кузьмича, но меня тормознул Носов.

– Женя, там Кузьмич уже занимается осмотром наших машин. Так что давай к нам, мы тебя в курс дела введём. И вот возьми это твой планшет с картой, – Сергей подал мне планшет, и мы присели на траву у самолётов, старлей показал на карте наш маршрут и место, где назначена точка встречи, нами и транспортным самолётом.

– Командир, на какой высоте пойдём? – спросил Козлов.

– Можно на семи тысячах пройти. Получается, что километров двести от линии фронта. Транспорт будет идти на пяти тысячах. Двигаемся на крейсерской скорости. Информация для тебя, Женя. «Худые» нам в скорости не уступают, но их можно делать на вертикали. А если встретятся «фоккеры», то у них скорость побольше и потолок выше. Антон, действуйте по ситуации, но до места встречи нужно дойти на цыпочках. Пароль для связи с нашим Ли-2, сто минус названная цифра. Лётчик на транспортнике опытный, за линию фронта летал не раз. Он назовёт номер, например 42, вы должны ответить 58. Это понятно? – Сергей посмотрел на нас всех, а мы согласно кивнули.

Отмашку на взлёт нам дали только через два часа. Я уселся в кабине, запустил двигатель и через несколько минут мы с лейтенантом Козловым взлетели. Мои подруги махали мне руками с аэродрома. На хвосте моего «яшки» красовался номер 33, жёлтого цвета.

На этом боевом задании я узнал позывные лётчиков. У Сергея Носова позывной «Казак», у Антона Козлова позывной «Тур», а у Семёна Ширяева – «Шорох». Произошла нестыковка по времени, встреча с транспортником произошла в 170 километрах от линии фронта. Обменялись паролями и попылили в сторону наших. Узнал я и оперативный позывной лётчика Ли-2, «Слон». Мы пролетели половину пути, когда по радиации заговорил «Шорох».

– «Казак», встречным курсом ниже и левее вижу двух «мессеров».

– «Тур», «Шорох», «Ведьма» не отвлекаемся от основной задачи. «Слон», «Казак» на связи, держите высоту. Если сможете увеличьте скорость. Как понял меня?

– На связи «Слон», понял тебя «Казак», идём не предельной.

Я посмотрел в сторону противника, «худые» действительно не стали преследовать нас, а уходили на северо-запад. А по радиации я услышал, как ругнулся Антон Козлов.

– Мля, теперь ждём гостей.

Нам осталось до линии фронта километров пятьдесят может меньше, радиация вновь заговорила. Сергей Носов сообщил.

– Вижу четвёрку «худых», выше и левее нас. Не отвлекаемся, выполняем задачу.

– Справа пара «худых». Заходят на атаку, – добавил Козлов.

– «Тур» и «Ведьма» держите курс. «Шорох» прикрой атакую правых, – скомандовал Носов.

Носов был хорошим лётчиком, в одного «фрица» он попал сразу на встречной атаке, А Ширяев одной очередью добил немца. Второй «мессер» уклонился от атаки и стал набирать высоту. Но в этот момент Носова и Ширяева атаковала четвёрка «худых», что были слева. И началась карусель. Мы с Козловым продолжали охранять транспортник и вскоре я потерял из виду Носова и Ширяева. Летел и думал, как там ребята справятся вдвоём против пятерых? А линия фронта уже вот практически под нами. Из моих мыслей вырвал голос Антона.

– Справа две пары «худых».

Я посмотрел вправо и увидел, что немцы заходят на атаку. Рассмотрел «мессеров» на одном из самолётов, на хвостовой части фюзеляжа увидел рисунок карточного туза. Козлов крикнул «Прикрой, атакую» и мы ввязались в бой. Стрелок транспортника тоже открыл огонь. В этот момент мы были над линией фронта, но с земли не стреляли. Немцы и наши видимо понимали, что могут задеть своих, потому с земли обстрела не произошло. Антон попал в одного «мессера» и тот закувыркался в воздухе падая. А тот, что с тузом на фюзеляже сделал несколько выстрелов и увернулся. В прошлой жизни я что-то слышал о размалёванных самолётах немцев, на них летали асы, а разрисовывали свои аппараты для понтов. И этот с тузами попал в Козлова, его самолёт задымил, резко теряя высоту. Антон выпрыгнул с парашютом, его самолёт упал, взорвавшись на земле. Тогда я атаковал вторую пару «худых». Как только увидел в прицеле ведущего немецкой пару сделал несколько выстрелов из пушки на встречном курсе и ушёл вниз. Дальнейшее я воспринимал как в карусели. На хвост ко мне сел тот, что с тузами, я оторвался «размытой бочкой». Нашего транспортника я не видел, но знал, что мы уже на нашей территории, а может почти на нашей. Вот где пригодился опыт пилотажа. Через минуту я попал в одного из «мессеров» и он вспыхнул разом и весь. Набрал высоту и с горки пошёл вниз. Взял в прицел немца, жму гашетку. Есть ещё один «фриц» отлетелся. Остался размалёванный. Я не отражал сколько времени мы с немецким асом крутились в небе. Он оказался очень хорошим лётчиком. Меня радовала мысль, что двоих я уже сбил. Ещё бы этого «картёжника» снять. Удача была на моей стороне, после нескольких фигур пилотажа, я на «боевом развороте» всё же зашёл в хвост немецкому асу. Каких-то три, может четыре секунды. Есть! Я попал, немец в «штопоре» начал падать. Лётчик выпрыгнул. По парашютисту я стрелять не стал. Слышал, что с обеих сторон расстреливать парашютиста считается мове-тон. Глянул вниз, вроде мы на нашей территории, я даже увидел линии окопов. И тут меня словно дёрнули, осмотревшись увидел ещё трёх немцев, ближний ко мне открыл огонь. Я резко бросил машину в сторону, но услышал, как по фюзеляжу застучали пули. Набирая высоту, понимаю, что мой «яшка» ещё ого-го. Покрутил головой, немцы ниже меня. Выполняю «хаммерхед», двоих вижу. Жму на гашетку, один есть. Второй по горизонтали пошёл в сторону, видимо не очень опытный лётчик. А я-то выше. Пристраиваюсь ему в хвост и палю из пушки, вижу, несколько попаданий, и «мессер» разваливается в воздухе. А вот третий «фриц» слинял. Я покрутил головой, нигде не вижу. Осмотрелся и увидел хлопки и разрывы зенитных снарядов. Это что, по мне наши стреляют? Да нет. Ах ты мать твою! Я уже над территорией немцев. Сориентировавшись, направляю самолёт в сторону наших окопов. Смотрю на приборы, а топливо то каюк. На нуле топливо. В подтверждение этого мотор несколько раз чихает и глохнет. Зашибись! Пытаюсь планировать. Внизу какая-то деревенька и поле. С грехом пополам сел, правда повредил шасси. И на мою удачу ко мне бегут наши, вполне советские солдатики. А наш Ли-2 всё-таки улетел.

Май 1943 год. Южный фронт. Евгения Красько.

Сел я в районе Колесниково, это я позже узнал, что село такое. Моего «яшку» переко-сило, похоже сломал стойку шасси. Открываю «фонарь» кабины, хорошо, что не заклинило. И силёнок-то не осталось. В горячке боя и не заметил, как моё брненное тело выдохлось. Чёрт

побери, ведь я же здесь девочка, физическая подготовка не та, что в прошлой жизни. Самолёт стоит, завалившись на левое крыло. Карабкаясь, вылажу и падаю на крыло. Бац. Ой, мля! Больно то как, стукнулся коленкой. Соскальзываю по крылу. Бац. Чёрт! Локтем стукнулся и опять больно. Мать твою, как корова на льду. Загибаю трёхэтажным матом. Парашют пристёгнут, явно мне мешает. Пытаюсь подняться, в помощь мне предложение из матерных слов. И откуда что берётся в голове? В этот момент подбежали наши солдаты. Сержант и рядовой помогают мне подняться, подхватывая под руки. Вокруг солдатиков с десятков, а вон и лейтенант молодой чешет сюда же. Слышу разные голоса, но не сразу понимаю, что говорят. Сдёргиваю с головы шлем, голова от пота мокрая.

– Смотрите, братцы, баба, – восклицает кто-то из солдат.

– Точно наша. Матом кроет так, что уши вянут. У меня так только батька умел ругаться, – добавляет другой.

– А какая красивая, – восклицает ещё кто-то.

– Баба то баба, а «фрицам» пендюлей выписала по полной, – по голосу это тот первый солдатик.

– Куда ранена, говори? – спрашивает сержант, который поддерживал с одной стороны.

Ранена? Я? Провожу рукой по лицу, ладонка в крови. Вот чёрт. Я мордой лица видимо приложился обо что-то при посадке и рассёк бровь. Даже не заметил. Сержант и рядовой сложили руки «замком», поддели меня под зад и понесли в сторону села. Наверно кайфуют, девочку за задницу подержать. Оно и понятно, мужикам только дай возможность честную девушку за жо... простите за попу потрогать. Навстречу ехала санитарная полуторка, с красным крестом на борту. Выскочила девушка и солдат, санитары. Мне забинтовали бровь вместе с головой. А сержант с рядовым так и не отпускают с рук, поддерживая под зад. Вот же кобели фронтовые! Но я не в обиде, ноги то меня почти не держат. Наши радуются и наперебой восхищаются как я немцев приземлил. Видимо с земли был виден весь бой. Привезли меня к командиру 121-го пехотного батальона. Капитан Яковлев Григорий Семёнович вокруг меня хлопочет. Сидим в большой деревенской избе. Тут же крутятся старлей и капитан, фамилии я их не запомнил. Пришла военврач и зашила мне бровь, бинты с головы, конечно, сняли. Сделали более аккуратную повязку. Мою коленку и локоть тоже осмотрели. Синяки знатные. Думаю, болеть будет долго. Вот что значит женское тело, чуть что и синяк. Меня потряхивает, пошёл откат после адреналина. Так бывает после боя. Налили в кружку водки... или спирт разбавленный. Ну я и бахнул. Это в прошлой жизни мне десантнику такая порция как слону дробина, а здесь я сразу закашлял. Развезло от алкоголя моментально. Сижу и глупо улыбаюсь. Комбат мужик взрослый, лет сорока пяти или под пятьдесят.

– Дочка, тебя как зовут? Лет то сколько, молодая совсем? – задаёт он сразу серию вопросов.

– Ж-женя и мне двадцать л-лет. М-младший лейтенант, гвардии.

Вот те, на. Язык то у меня похоже заплетается. Может хозяйка моего тела и не пробовала водку никогда. Офицеры смеются, а комбат приказал принести мне крепкого чая и что-нибудь перекусить.

– Мужики, вот ведь девчонка совсем, а смотри как немцев колотит. Наши бойцы так «ура» кричали после каждого сбитого фашиста, что наверно в Берлине слышно было, – хвалит меня комбат.

– Эх, нам бы в сорок первом таких, да побольше. Мы бы немцев за год разогнали, – сокрушается старлей.

– Геройская девушка. Сообщу вашему командованию. Пять фашистских самолётов сбила. Да что там? Напишу командующему фронтом. Буду просить, чтобы представили к награде – это вновь комбат грозитя посодествовать моему награждению.

В общем встретили, напоили, накормили и в мой полк сообщили. Гладышев сказал, что прийдёт через пару часов У-2 за мной. Есть у нас в полку такой, на посылках служит, а летают на нём, кто придётся. Пока ожидал «этажерку», уснул. Пристроили меня в каком-то чуланчике, здесь же в штабной избе.

Прилетел за мной Серёга Носов через три часа. Будить меня не стали, а потому проспал я ещё почти полтора часика. Проснулся сам. Меня напоили чаем с печеньем. Проснувшись и увидев Носова, я обрадовался и удивился. Он мне рассказал, что они сбили ещё два «мессера», остальные смотрелись, не принимая бой. Они с Семёном Ширяевым добрались до полка. Транспортник встретили после нас и сопроводили до Ростова. Об Антоне Козлове сообщили по всему фронту, пока я спал. Я сказал, что точно видел, как Антон выбросился с парашютом, но на какой стороне сел не знаю. Не до этого было. Могу сказать, что в прифронтовой полосе. Получается, что в этом бою я сбил пятерых, Носов с Ширяевым троих и Антон одного. В итоге Люфтваффе потеряли девять самолётов.

– Есть ещё одна новость, Женя. Того лётчика, который с тузами, взяли в плен. Он оказывается ас и в большом почёте в немецкой армии. Не верит, гад, что его молодая девушка сбила. Говорит, что слышал ваши разговоры по рации. Спрашивает, что за «Ведьма». Он, сучонок, по-русски понимает. Его в штаб дивизии повезли, там и допросят, – сообщил Сергей.

Пока я чаёвничал, Сергей оформил подтверждение сбитых мною «мессеров». Оказывается, всё не просто так. Сбитые противники ведут не только к наградам, но и к денежным премиям. За сбитые истребители платили тысячу рублей, а за бомбардировщик две тысячи. Это мне пояснил Сергей. Так что стану я богаче аж на целые пять тысяч советских рубликов. Эх и гульну на радостях! К самолёту Носов нёс меня на руках. Сильный оказывается старлей, даже не запыхался. Хотя тушка моя весит килограмм пятьдесят, ну может пятьдесят пять. Для нормального парня это не вес. Тем более красивая девушка. Всё-таки есть преимущества у девчачьего племени. Но и минусов хватает. Например, захочешь в туалет по «маленькому», стоя за деревцем уже не сделаешь. Неудобственно, но привыкаю.

В полк мы прилетели перед ужином. Меня сразу позвали к особисту, там же был и Гладышев со своим замом. Майор Гарин Сергей Петрович мои показания за протоколировал. Отдельно оформил то, как сбили Антона Козлова и то, что я видел, как он спрыгнул с парашютом.

– Сверлите дырочки под ордена. Мне уже сообщили, транспорт добрался без потерь, – заявил комполка.

А меня хромающего сопроводили в санчасть. Туда же принесли и ужин, в том числе сотку фронтовых. Отказываться я не стал и вскоре после ужина уснул. За моим «яшкой» машину отправили на следующий день. Так что летаю ещё на своём самолёте.

Глава 2.

Май-июнь 1943 год. Южный фронт. 73-й гвардейский полк.

Валяюсь в санчасти на кровати. Утром принесли завтрак, только собрался снова вздремнуть пришли ребята и девочки, с которыми я в лётной школе учился. Наша военврач 3-го ранга Понтюхова Нина Петровна велела мне лежать. Хотя по новому её звание капитан, серьёзная тётка, правда ей всего тридцать пять лет. А коленка у меня болит, вот же тело девичье какое травмоопасное. Друзей и подруг всех не пустили. Ну вот, догадались все аулом вламываться, артисты! Но ребята были настойчивы и пропустили Лиду Карпову. Подруга сидела и распевала мне дифирамбы. Ну, а я рассматривал её. А ведь она симпотяшка, брюнеточка. Грудки натянули гимнастёрку. Так и хочется прижать её к себе и потискать. Эх, страдания мои тяжкие! И за какие грехи мне теперь девочек не любить? А ведь в этом времени такое не приветствуется. Совсем народ нетолерантный. Кажется даже статья такая есть, за мужеложство вроде. Вот только относится это к девочкам? Дай только повод «кровавой гёбне» или нашему замполиту. Надо узнать поподробней, сделав заметку у себя в голове. Опять же вчера нёс меня на руках Серёга Носов и мне даже понравилось. Может это тело моё радовалось? Вот влипнешь так, а потом мучайся. Нет бы меня в какого диверсанта перенести, что там за апостол был, который меня сюда переправил? И ведь жалобную книгу не потребуешь. Лида между тем новости рассказывает.

– Нас распределили по эскадрильям. Мы с тобой попали в третью, с нами Тигран, Рафаил и Коля. Остальных к Ирине Поповой. Ольга расстроилась, даже плакала. За нами закрепили самолёты, у всех Як-9. Твой номер 33 остаётся, а у меня 35. Под утро наши вернулись с боевого задания. Есть потери. У Лыкова три лётчика погибли, из опытных, а у Ирины Поповой – двое. Одна из погибших девушка, лейтенант Анастасия Зоркина. Говорят, хорошим лётчиком была. Жалко, – у Лиды сделалось грустное лицо.

– Не знаешь, мой самолёт притащили? – спросил я подругу.

– Нет ещё. Зато Кузьмич велел тебе на ушибы лопух прикладывать. Я принесла, отдала санитарке, тебе попозже привяжут. Женька ты такая храбрая! – и Лида, склонившись прижалась ко мне.

Грудью прижалась, между прочим, меня вновь охватило тоскливое настроение. Хотелось чмокнуть её прямо в пухлые губы, желательно взасос. Я тяжело вздохнул. Когда подруга ушла, я стал проситься у нашей капитанши, чтобы меня выпустили. Нина Петровна пообещала. Пришла санитарка Рита Рыкова и привязала мне лопух к коленке и к локтю, а ещё принесла книжку «Как закалялась сталь». Думает, я фанатею от Павлика Корчагина. Хотя я даже не знаю толком, что это за «перец». Вроде какой-то крутой комсомолец, себя не жалел ради революционных идей. Ну и характер у него вроде как сильный был. От скуки будем читать.

А после обеда приходил замполит, капитан Зузин Андрей Ильич, «сеятель» марксизма-ленинизма. Капитанша его не пустила, я слышал, как политрук распинался.

– Вы не понимаете политической важности этого вопроса. Евгения Красько комсомолка, я буду писать статью в газету. Мы отразим в боевом листке полка. Я буду рекомендовать её в кандидаты члена КПСС. Мне надо прочитать ей лекцию, чтобы она была подкованной политически в борьбе против мирового империализма и гордо несла знамя партии.

Ну в общем всё в таком духе. Откуда только слова находит? Вот ведь борец за народное счастье. А когда он брякнул, что мне в партию пора, я реально «припух». Ну уж нет. Мне такого счастья не надо. Чувствую, он от меня быстро не отстанет. Но наш военврач была неприступна, как бастион. Да что там бастион, как Москва в сорок первом. Короче не пустила, а я облегчённо вздохнул. Вечером пришёл Кузьмич, принёс мне тросточку, у них в ТЭЧ есть мастер, который буквально за день сделал мне посох, точнее трость. Принёс ещё листьев лопуха, обнадёжив,

что завтра я уже смогу ходить с тростью. А также сообщил, что моего «яшку» привезли, так что вечером могу докандыбать и посмотреть, хотя можно и завтра. Что я и сделал. Понтюхова меня не выписала, но прогуляться разрешила, не больше часа.

На следующее утро я разглядывал Як-9 под номером 33. М-да-а. Дырок в нём немцы понаделали. Фюзеляж и крылья во многих местах имеют пулевые отверстия. Повезло мне походу. Я только один раз осознал, что по мне попали. А оказывается, было не раз и не два. И как самолёт не загорелся? Ко мне подошёл Кузьмич.

– Ты не переживай, дочка. Починим твоего конька, как новенький будет, – успокоил механик, вытирая руки промасленной тряпкой.

И тут мне пришла хорошая мысль в голову.

– Кузьмич, я могу своего «яшку» в камуфляж окрасить?

– Тебе надо к Ивану Васильевичу с этим вопросом. Разрешит, покрасим, хоть ромашек нарисуем.

– А рисунок могу рисовать на хвостовом фюзеляже?

– А зачем тебе? Что ты немец из Люфтваффе? Это они как павлины рисуют что не попадя.

– Нарисую ведьму на метле, пусть боятся. Они же суеверные. У них и Гитлер на почве мракобесия свихнулся. Говорят, он бесноватый, – решил пошутить я.

Василий Кузьмич рассмеялся, и смеялся минуты две, наверное.

– Эх молодость, молодость. Есть у нас художник, он в роте охраны служит. Ефрейтор Васнецов Пётр Семёнович. Рисует очень хорошо.

– Он случайно не родственник великого русского художника Виктора Васнецова?

– Не знаю, Женя, родственник или нет. Но вот жарши... Э-э-э... Или шаржи... Тьфу, чёрт.

– Дружеские шаржи.

– Во-во. Они самые. Рисует ну очень похоже и смешно. Вот я с ним поговорю, может он нарисует. Но Гладышева спросить надо. А то вдруг нельзя.

Хорошо, пойду к Гладышеву плакаться на горькую судьбинушку. Постоял, подумал и потопал прихрамывая, направился обратно в санчасть. По дороге встретил Ирину Попову.

– Привет, Женя. Слышала, что тебя зачислили в 3-ю эскадрилью?

– Да, девочки рассказали.

– Я тебя к себе хотела, но Носов так старался и просил, и «плакал». Чуть ли не на груди у бати рыдал. Но выпросил. Если хочешь, можем вместе пойти к полковнику. Думаю, не откажет.

– А в чём разница? Мне всё равно где летать, да и просить не хочется.

– Ну смотри, как знаешь, – сухо отозвалась Попова.

Попова двинулась дальше, а я не понял обиделась она или нет? Ну да Бог с ней. На хрена мне «бабий батальон»? Чтобы страдать? А Носов мужик нормальный, вон даже на руках носит, небось от Поповой такого не дождёшься. Пришел в санитарную палатку и взялся за чтение о Павке Корчагине, бравом комсомольце, да так и уснул, примерно на второй странице.

На следующее утро проснулся, потрогал себя за больные места. Локоть почти не болит и коленка тоже. Помогает народное средство в виде лопуха. Попробовал ходить, пожалуй, с тростью пока удобней. Голова тоже уже не болит. Я взял зеркальце, рассмотрел бровь, будет маленький шрам возле виска. В глаза особо не бросается. Пришла капитанша, последователь Гиппократ, поговорили о моём самочувствии, она разрешила мне прогулки, но выписку делает завтра или послезавтра. Ну и ладно. Гулять можно уже хорошо, немного подумав, направился в штаб. Подойдя к землянке, в которой расположился штаб задумался. Вот зайду обращусь и попрошу, а комполка возьмёт и пошлёт подальше, на три известных буквы. Что тогда? Ничего. Надо Гладышева под хорошее настроение поймать. Я уселся на скамеечку недалеко от входа в штаб. На вопросы бойцов и лётчиков, отвечаю «Принимаю солнечные ванны». Мои

ожидания не пропали даром. Через полчаса Гладышев вышел из штабной землянки, вместе с ним шёл начальник ТЭЧ капитан Дубов Андрей Семёнович. Увидев меня, полковник подошёл к скамейке.

– А вот и наша героиня. Как самочувствие, Женя, – и комполка присел на скамейку.

Я хотел подскочить и поприветствовать полковника, но он удержал меня за руку со словами «сиди не прыгай».

– Хорошее самочувствие, Иван Васильевич. Могу приступить к полётам.

– Ух ты какая шустрая. Я спрошу у Нины Петровны. Ну а здесь чего сидишь?

– Вас жду, товарищ гвардии полковник.

– Даже так? Чего же в штаб не зашла?

– Не хотела отвлекать от важных дел, – после моих слов Гладышев засмеялся.

– Видишь, Андрей Семёнович, как обо мне заботятся наши красавицы. Ну да говори уж, чего хотела, – а Дубов тоже улыбнулся.

– Просьба у меня, точнее две. Хочу свой самолёт в камуфляжную окраску покрасить.

– Хм, ну и зачем это тебе? – полковник задумчиво пошевелил усами.

– Камуфляж позволяет размывать силуэт самолета на фоне земли. Скрытность на аэродроме и при перелёте в разведывательных рейдах.

– Допустим. Хотя я не верю, что камуфляж создаст большую скрытность. А как быть если лётчик сел на вынужденную? Нам также будет затруднительно обнаружить наш самолёт. Думаю, небольшое преимущество. Плюс лишние затраты по краске.

– Не такие уж большие затраты. Добавить кривые линии и цвета подобрать будет точно польза. А потом после вынужденной ищем не только мы, но и немцы. Так что минус и минус, получается плюс, – Гладышев после моих слов снова рассмеялся.

– Смотри, Андрей Семёнович, какую заботу тебе принесли на блюдечке. Хорошо, Женя, разрешаю попробовать, а потом в полёте посмотрим, что получается. А вторая просьба? – без вариантов, хороший человек наш батя, не пропустил, что я говорил о двух просьбах.

– Разрешите мне на хвостовой части фюзеляжа нарисовать рисунок ведьмы на метле.

Полковник и капитан посмотрели на меня так, будь то хотели понять, а не сошла ли Евгения Красько с ума или у меня из носа растут волосы, причём пучками.

– Не могу понять, зачем тебе это? – комполка явно удивился, но пока не сердился.

– Символика, поганой метлой выметаю врагов с территории нашей любимой Родины.

– Во загнула! Замполит от зависти заболит, – засмеялся капитан Дубов.

– Понимаешь, что ты получишь известность у Люфтваффе? За тобой начнут охотиться. Рано или поздно смогут сбить. Тебе такая известность нужна? Она у тебя уже есть. Тот лётчик, с тузами, не простой пилот. Ральф Мультике, майор, инструктор. Прибыл из Франции. Думаешь тебе простят такого аса? Как бы не так. Ваши переговоры слышали и знают позывной лётчика, который сбил Мультике. Он известная личность в Рейхе. Кресты ему лично Гитлер вручал. Безусловно ты молодец, приземлила такого профессионала. У него счёт – больше ста сбитых противников. А ты ещё хочешь метку поставить. Желает, чтобы немцы за тобой по всему фронту гонялись. Пойми, тебе просто повезло, – говорил командир серьёзным тоном.

– Кому везёт у того, и петух снесёт. Я не боюсь фашистов и прятаться от них не стану. Пусть знают, что наши лётчики лучшие асы в мире. Пусть боятся. Для них Ведьма это что-то связанное с мистикой, вот и пусть бегает от меня. Собью ещё пару десятков, а потом буду гонять их по всему фронту мокрой тряпкой. Если разрешите буду летать на поединки и сбивать у них лучших. К тому же они прекрасно по номеру меня могут запомнить.

– Ну-ну, расхорохорила. Аника-воин. Ты молодая ещё не понимаешь, что сбить могут.

– Да всех сбить могут, а могут и не сбить. Но наше дело правое, так? Так! Значит победа будет за нами? Есть возражения? – ох и доведёт меня мой язык под монастырь.

– Видал, Андрей такую? И ведь сама верит в то, что говорит, – мой спич почему-то развеселил полковника

– Я хороший лётчик. А скоро буду лучшим, – пробурчал я надув губы, чисто по девчачьи.

– Ладно. Посоветуюсь с комдивом, потом скажу тебе своё решение, заверил меня Гладышев.

Полковник и капитан ушли по своим делам, а остался сидеть и размышлять о том, что моя идея может сдохнуть на корню. Ну да ладно, хоть камуфляж разрешили, и я поковылял в сторону механиков.

А на следующий день мы узнали, что Антон Козлов жив. Наш лётчик в данный момент находится под арестом, в контрразведке НКВД. Гладышев полетел к комдиву, нужно было вытаскивать Антона. Оказалось Козлов приземлился на территории немцев и сутки бегал от команды охотников из яхт-команды. Выручили его наши разведчики, которые случайно наткнулись на Козлова и немцев. В результате отбились и вышли на нашу сторону. А сейчас Антона «грузят» в НКВД, а не завербовали ли его немцы? Вот Гладышев и полетел, лично. У нашего полковника «Звезда Героя» есть, и орденов хватает, так что должно получится выручить Козлова из лап «кровавой гэбни». Камуфляж на моего «яшку» нанесли, теперь он сверкал чёрными кривыми полосками и жёлто-зелёными пятнами. Проверить эффект было некому, так что я ждал командира. Из санчасти меня выписали. Распорядок дня вернулся на прежнюю основу.

Через два дня вернулся командир полка. Оказывается, он успел слетать в Москву. Привёз новости и Антоху Козлова. Ребята и девушки радовались. Радовался и сам Антон. Когда ему рассказали, что сделал я в том бою, он подхватил меня на руки и закружил.

– Ты геройская девушка, Женя. Я точно знаю, ты станешь асом в нашей авиации.

Ме опять понравилось на руках у парней. Как бы в привычку не вошло. А вечером нам вручали награды за тот бой и сопровождение. Носов получил орден «Боевого Красного знамени», плюсом Сергею дали звание капитана. Ширяев и Козлов получили по ордену «Красной Звезды». Мне дали тоже «боевик», причём на скрутке. Такой точно не потеряешь. Присвоили лейтенанта и дали грамоту к ордену «Боевого Красного знамени». Так что я уже на ужин щеголял с погонами летёхи, кстати погоны мне вручил Гладышев перед строем. Во время ужина выпили за героические заслуги по сто грамм. А после ужина полковник отвёл меня в сторону.

– Поговорил я по твоему вопросу. Возражений нет. Хотя были и другие мнения, особенно у полит отдела. Но про тебя рассказали Сталину о твоём бое одна против шестерых. Главнокомандующему понравилось. Товарищ Сталин сказал: «Хочет выметать метлой, пусть выметает. Я не возражаю». Так что рисуй себе ведьму на фюзеляж.

Я бросился обнимать полковника, но вспомнив, что я девушка, даже слегка взвизгнул. Потом были обнимашки в палатке женщин. Даже Попова пожала мне руку и поздравила. Сергей Носов на радостях хотел поставить меня ведущей, но ему запретил полковник, пояснив: «Пусть набирается опыта».

С утра я пошёл к капитану Зеленину Сергею Сергеевичу и отпросил у него художника ефрейтора Васнецова. Потом целый час объяснял, что мне надо и как должен выглядеть рисунок. Наконец пришли к консенсусу. Летящая ведьма на метле, волосы развеваются, на голове остроконечный колпак с широкими полями. А вот физию ефрейтор нарисовал похожую на меня, очень похожую, только в стиле дружеского шаржа. Получилось круто, только нос, как у бабы Яги. Прошёл месяц, как я на фронте, летали на вылеты каждый день, но я индивидуально никого не сбил. Сопровождали бомбардировщики, летали на разведку. А ещё на У-2 меня запрягли очень конкретно, летал по тылам нашего фронта, вроде курьера.

Июнь 1943 год. Южный фронт. Евгения Красько.

В начале месяца получил письмо от матери Евгении Красько. Мария Николаевна писала, что «у неё всё хорошо, она работает на курсах переводчиков, готовит кадры для фронта. Отец

Евгении жив, но в командировке. Валя закончила учебный год в школе, ходит на собрания комсомольцев. Сокрушалась, что старшая дочь не пишет. Может что-то случилось?». Стоп! Какая Валя? Старшая дочь? А есть ещё и младшая? Вот засада. А я ни сном ни духом. Надо отписать матери девушки, ибо мать – это святое. Не откладывая в долгий ящик, написал, что уже в звании лейтенанта, награждена орденом, летаю на истребителе. Немного написал о подружках и прочее. Никаких ужасиков. Про питание отметил отдельно. Запечатал в конверт и отдал полковому писарю. К слову сказать, за сбитых немцев мне заплатили премию в пять тысяч рублей. Для этого времени – это большие деньги. Недолго думая четыре тысячи, я переправил матери Евгении. В Москве наверняка с продуктами непросто, а на базаре можно многое купить, пусть даже дороже.

К ефрейтору Васнецову у меня была ещё одна просьба, сделать рисунок на листовках. Для этого дела я заказал за бутылку конька Зеленину бумаги, привезли ребята из Ростова. Накупил бумаги, и Васнецов нарисовал шарж на Гитлера. Рисунок не сложный. Гитлер стоит раком, простите на четырёх костях, а ножки и ручки тоненькие. А изо рта Гитлера вылетает визг «ой-ой-ой». Наш красноармеец даёт хорошего пендаля Гитлеру под зад. И надпись «Мы скоро будем в Берлине. Это тебе говорю я, Ведьма», вместо подписи голова ведьмы. Ефрейтор крапал над шедевром искусства несколько дней. Получилось просто замечательно. Типографии нет, пришлось однофамильцу художника нарисовать аж пятьсот штук листовок, но этого было мало. От Зеленина, когда выпрашивал Васнецова, в очередной раз узнал, что в Ростове есть типография, которая делает любые копии. Раскрывать секрет я не стал, для какой надобности мне всё это. А вскоре выдался случай. На У-2 полетел в Ростов с пакетами полка. Там нашёл типографского работника, заплатил ему деньги, он халтурно пообещал сделать несколько тысяч копий. А если заплачу за доставку, то и доставить в полк. Что и произошло через два дня. Но когда водитель выгружал листовки у меня глаза полезли на лоб, листовок было пятьдесят пачек по тысяче штук. Пачки я припрятал в лесочке завернув их в брезент. Решил, что на каждом вылете буду сбрасывать с самолёта.

С камуфляжем было продолжение, я полетал низко над лесом, а Гладышев надо мной. Его видимо не впечатлило. Так как перекрашивать все самолёты он приказа не дал, но и мне не велел закрасить кривизну линий. Может с командованием посоветоваться хочет? В начале июня начались ежедневные полёты. Летали недалеко за линию фронта, осматривая позиции и переправы противника. Я уже два раза по несколько пачек листовок, разбрасывал над окопами немцев и у них в тылу. Почти половину истратил. Но в один из дней меня вызвал Гладышев в штаб.

– Товарищ гвардии полковник, гвардии лейтенант по вашему приказанию прибыла, – как положено руку вскидываю в приветствии, стою по стойке смирно и «ем» глазами начальство.

– Скажи мне, Красько, это что такое? – и комполка суёт мне листовку с карикатурой на Гитлера.

Беру у него листовку, рассматриваю и кладу обратно на стол.

– Картинка, товарищ гвардии полковник. Правда красиво нарисовано, Иван Васильевич? – отвечая, включаю тон девичьей овцы.

В штабе всё наше начальство, только замполита нет. Даже капитана Носова пригласили.

– Красиво? Картинка? Я спрашиваю, что там написано? – похоже командир возбудился. Я снова беру листовку, рассматриваю и обратно на стол.

– А разве мы не будем скоро в Берлине? Думаю, недолго осталось, – во взоре девицы-патриотки стараюсь показать веру в победу.

– Глазками она тут стреляет. Овечкой невинной прикинулась. Как ты умудряешься их разбрасывать?

– Низенько так опускаюсь и бросаю, пусть осознают и поторопятся капитуляцию подписать и в плен сдаться, – показываю рукой и ладошкой насколько низко опускаю самолёт.

Гладышев походил передо мной туда-сюда, остановился перед Носовым.

– А ты, капитан, мать твою, куда смотришь? Распустил эскадрилью. А завтра она что исполнит? Молчишь? Может мне тебя на гауптвахту отправить? – полковник уставился на Носова, а тот стоит не жив не мёртв.

Полковник снова походил туда-сюда. Волнуется наверно.

– Нас с Зузиным в полит отдел фронта вызывали. Капитан то бледнел, то зеленел. Он до сих пор наверно заикается. Эта, мать её, картинка на стол Сталину попала. Есть доброжелатели. Что ты ещё исполнишь, Красько?

– Могу ещё чего-нибудь нарисовать, – пропищал я.

– Что-о-о? Вон! Пошла вон!! – взревел батя, ну точно расстроился.

Я выскочил из штабной землянки. Полковник походил, а потом уселся на своё место. Произошёл дальнейший разговор, который мне пересказал по секрету Сергей.

– Откуда известно, что Сталину на стол листовку подали? – спросил особист майор Гарин.

– Мне знакомый полковник госбезопасности рассказал, он присутствовал при этом, – уже спокойно сообщил комполка.

– А Сталин что, ругался? – тихо спросил Носов.

– Что Сталин, что Сталин? Улыбался говорят и сказал: «Если есть такая уверенность у младшего комсостава, значит действительно скоро будем в Берлине». А листовку оставил у себя и записал данные нашей Ведьмы.

Когда Сергей Носов вышел из штаба, я подошёл к нему. Он глубоко выдохнул и произнёс: «Пронесло», махнул на меня рукой, сплюнул через левое плечо три раза, и пошёл в сторону ТЭЧ. Ну и ладно, значит гроза миновала. В один из дней была солнечная погода, но мы не летали из-за дефицита бензина. Пошли с девчонками поваляться на травке, подстелив плащ-палатки. У меня настроение «зашибись». Лежу на спине и мурлыкою песню.

– Не думай о секундах свысока, наступит время сам поймёшь наверное...

– Какая песня хорошая, а голос у тебя Женя как у артистки, – заявила Ольга Петрова.

– Мне знакомая говорила, что Женька до войны стихи сочиняла и песни. На гитаре хорошо играет, только в школе не стала играть, – вставила новость Лида Карпова.

Вот это да! Что я ещё не знаю о Евгении Красько? Да похоже много чего не знаю. Девочки стали приставать, чтобы я спел. Отговорился, что без гитары делать этого не буду. Опять я подставился, разомлел на солнышке.

Наши разведывательные полёты продолжались. Командованию Советского Союза надо было закрепиться и стабилизировать ситуацию в свою пользу. Шла реорганизация армий по всему фронту. Я по-прежнему летал в паре, с Антоном Козловым. За два дня разведки оба раза нарывались на «худых». Сбили двоих, одного я, другого Антон. На борту моего «яшки» красовались шесть звёздочек. Три дня шёл дождь, и погода была нелётная. Мы маялись от безделья. Ребята, кто охоч до женщин, бегали в ближайшую деревню. Девчонки занимались шитьем или вязанием, Тигран притащил шерстяных ниток, и Ольга с Лидой вязали нам носки для зимы, в том числе и Тиграну. Я же заказал у механиков ножи для метания. Мне сделали два из рессор разбитых автомобилей. Один нож нормальных размеров, эскизы я рисовал для мастеров. А второй мне сделали маленький с колечком вместо ручки, размер длины клинка получился в ширину ладони. Я сделал потайной карманчик в поясе шаровар и прятал его туда. Нормальный метательный нож носил в голенище сапога, карман там сделал боец из охраны, он был сапожником до войны. Пригодится, как говорят «запас карман не тянет». А напарника по спаррингу я всё же нашёл. Заниматься со мной согласился Тигран. Так что мы с ним совершенствовались единоборства. Политический оратор Зузин ко мне больше не приставал, с вступлением в члены КПСС. Видимо понял, что со мной проблем будет больше, чем плюсов. Здорово его напугали в полит отделе фронта. Это произошло после того, как их с командиром вызывали к начальству.

Погода настроилась в тот день, когда прибыло новое пополнение. Из Свердловской лётной школы по распределению приехали десять ребят, возраст от двадцати до двадцати трёх лет. Ожидали и поступления новых машин в первой декаде июня. Механикам часто приходилось готовить машины к полётам, собирая буквально по запчастям. Полк продолжал жить своей жизнью. Антон Козлов повредил ногу, что-то там у вдовушки в деревне на крыше ремонтировал и свалился. Добегался по бабам, кобель. В результате я лишился ведущего и, по всей вероятности, надолго. На второй день ясной погоды меня вызвали в штаб. Здесь уже был капитан Носов.

– Женя, полетишь к Таганрогу. Козлов не вовремя из строя выпал. Готова ведущим лететь? – начал говорить командир полка.

– Готова. А кого дадите в ведомые, мне бы пошустрее кого-нибудь? – спросил я заинтересовано.

– Николая Смирнова. Он уже неплохо освоился в качестве ведомого. Вы друг друга знаете ещё со школы в Энгельсе. Сейчас обсуждаем ваш маршрут. За Николаем я послал, – и Гладышев, кивнув на стол, где разложена карта, пригласил меня подойти ближе.

Младший лейтенант Смирнов был неплохим лётчиком, достаточно быстро приобретал опыт. Он был в числе тех, которые сразу после моего показа пилотажных фигур стал интересоваться, чтобы самому применить на практике. При этом Коля не приставал с глупыми вопросами «Откуда знаешь?», «Где научился?». Через несколько минут появился Смирнов. Комполка и комэск стали проговаривать наш маршрут, а мы с Николаем делали пометки в своих планшетах.

– Запоминайте, ваша задача – сделать снимки укреплений города. На обратном пути постарайтесь снять линию укреплений соприкосновения фронта. Если не получится не страшно. Мы теперь вылеты будем делать часто. Сегодня пробный шар. Заходить на город со стороны залива. Вылет перед рассветом, чтобы снизить ваше обнаружение. В случае столкновения с противником, по возможности в бой не вступать, а сразу уходить. Нужны разведданные. Это понятно? – батя был деловит и строг, при таком его тоне не пошутить.

– Иван Васильевич, почему не полетели более опытные лётчики? Мы маршрут не знаем, зачем такой риск? – всё же не удержался я.

– Ты же «талантливый лётчик». А если серьёзно, потому что почти весь личный состав направляется на уничтожение выявленных аэродромов противника. Приказ ставки перед летним наступлением максимально уничтожить авиацию Люфтваффе. Летят почти все. Остаются только по необходимым причинам. Но и разведывательные вылеты игнорировать не можем.

– Иван Васильевич! Значит будет большая драка, а меня в тыл? Хотя и немецкий. На разведку могли бы и хорошего лётчика отправить, а меня вместе со всеми. Как я пропущу такой воздушный бой? Ведь заболел потом, нервным расстройством, – заныл я, включая девочку и овцу.

– А что я вам говорил, Иван Василич? – ухмыльнулся Носов.

– Ты же сама твердишь мне, что ты хороший лётчик. Так? Так. Вот я и посылаю на разведку хорошего лётчика. Что касается болезни от расстройства, то я быстро тебя вылечу гауптвахтой. Или отстраню от полётов, – строго выговорил батя.

– Тогда пристрелите меня, – тихонько буркнул я, надеясь, что полковник не услышит.

Но Гладышев услышал, правда мне ничего не сказал, только хмыкнул. А шишки полетели опять на моего комэска.

– Носов, ты когда займёшься воспитанием личного состава? Мне что, для тебя специально замполита эскадрильи приглашать? Зюзин и то её побаивается.

– Ну Красько, дождёшься ты у меня, – погрозил мне пальцем Сергей.

– Ладно поговорили и будя. Красько и Смирнов, проговариваете с Носовым задачу и маршрут. Сегодня полетаете парой. Вам притереться надо. После ужина сразу отбой. Перед

рассветом вылет. Приказ ясен? Вопросы? Раз нет вопросов, приступайте, – и Гладышев вышел из штаба оставив нас с нашим комэском.

Когда мы вышли из штаба с Николаем, проходили мимо курилки, направляясь к самолётам. Там сидели и болтали лётчики. Игорь Шилин решил пошутить.

– Коля держись крепче за юбку «Ведьмы», чтобы не потеряться, – и заржал.

Вот «Петросян» непризнанный. Откуда только узнают свежие новости? Ему шутя ответил подзатыльник Тигран. Я подошёл ближе и тоже шлёпнул шутя Шилина.

– Ты, Игорёша, во 2-ой летаешь, а там юбок хватает. Смотри как бы на тебя Попова юбку не одела, для синхронизации. Но это не страшно, вот если она на тебя лифчик оденет, придётся тебе картоху подкладывать, для достоверности, – ответил я, улыбаясь, тут засмеялись все присутствующие лётчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.